

**АНАТОЛИЙ
ЗАКЛИНСКИЙ**

ПОСЛЕДНИЙ БОГ

2016

Вадим Ожегов — священник. Необычное призвание в мире, где религии в прежнем их виде были упразднены. Призвание, которое не предполагает никаких привилегий, а лишь служение человеческой душе. Своих идолов человечество низвергло, но что будет, если новый идол явится извне? Повесть.

Анатолий Заклинский
Последний бог

Глава первая

Всеобщая необходимость или особенности симбиоза

В скворечнике было жарко. Толстая бетонная крыша, за день нагретая палящим Солнцем не успевала остыть за ночь, отчего помещение, которое несколько часов было закрыто, превращалось в самую настоящую парилку. Стоило только провести там несколько минут, как тело покрывалось тонким слоем пота.

Скворечником местные рабочие называли цеховую раздевалку. Она располагалась под самым потолком, и в неё нужно было подниматься по крутой лестнице, после чего проскальзывать в узкую дверь. За это она и получила своё название, ну а температура уже была следствием расположения. Зимой холодно, летом чрезмерно жарко.

Снимать повседневную одежду и надевать рабочую нужно было очень быстро, а то можно было пропотеть ещё до начала рабочей смены. Хорошо ещё, Ожегов пришёл одним из последних, и переодевался в одиночестве, а то было бы ещё душнее.

Свежая ткань чистой одежды приятно пахла. Вадим надел штаны, обул ботинки, а потом пришёл черёд хлопчатобумажной футболки, которая мягко обволокла его тело. Нужно было быстро спускаться вниз, пока пота не стало столько, чтобы промочить её. Хорошо ещё, здесь не обязательно было надевать рабочую куртку, а то местная обстановка стала бы настоящим адом.

Закрыв свой шкафчик, он направился к лестнице. Большое пространство цехового пролёта оказалось куда более прохладным, к тому же были открыты окна, хорошо помогавшие устаревшим климатическим системам. Вообще, всё это здание было старым. Когда-то оно играло одну из ключевых ролей и находилось в центральной группе построек завода. Но теперь времена изменились. Этот самый завод поглотил несколько жилых кварталов, разросся, и ремонтно-механический цех стал пятым вспомогательным. Это было закономерно, если учесть обновившийся и серьёзно увеличившийся парк местного оборудования, с которым в новых условиях здешний коллектив вряд ли бы справился.

Впрочем, пятый вспомогательный занимался в том числе ремонтом. В основном здешние рабочие изготавливали запасные части для станков грубой обработки и прессов, которые были самыми архаичными машинами здешнего производства. Но что поделать — прошлые поколения заложили в своё оборудование хороший ресурс, и его ещё нужно было реализовывать.

Помимо посильных ремонтно-механических операций, пятый вспомогательный цех выполнял самую разнообразную работу — изготовление мелкой оснастки, исправление исправимого брака, мелкие экспериментальные работы, связанные с совершенствованием всё той же оснастки, режущего и прочего инструмента.

Несмотря на нахождение на отшибе завода и второстепенную роль в производстве, здешние рабочие были своего рода элитой завода. К примеру, сам Вадим Ожегов, будучи ещё молодым, мог работать на четырёх разновидностях станков, причём универсальных. Это, как шутили местные рабочие, тебе не на кнопку тыкать, да детальки в лоток кидать. Не даром на многих сегментах основного производства уже во всю использовались роботы, а в сегменте вспомогательном их применение было крайне ограничено.

Да, первый и второй вспомогательный представляли собой чуть ли не самостоятельные заводы, изготавливавшие вспомогательную продукцию планово, чуть ли не на конвейере, и

там ручной труд тоже был по возможности минимизирован. Но ведь производство не всегда идёт строго по плану, и последним звеном должен быть человек. Высоквалифицированный в своей области человек.

Хотя ещё пять лет назад Вадим Ожегов не сказал бы, что его жизнь будет такой. Он был моложе, видел свою роль в этом мире гораздо большей. Однако сам мир имел другие планы. Уж что-что, а учить покорству и смирению он умеет. Особенно тех, кто даже не представляет, чем являются его мысли и желания на самом деле. Теперь для Вадима это всё было ясно, а когда-то он вполне убеждённо протестовал.

Сейчас он, конечно, не слишком изменился в том плане, что желал быть активным участником больших событий, но он смотрел и на них, и на собственное стремление иначе. Особенно в изменившиеся времена нужно было знать своё место в системе, потому что могло случиться так, что ты окажешься вне её. А вне её жизнь практически отсутствует.

Всё дело в том, что Ожегов в своё время выбрал служение религии. В те времена это было в определённой степени почётно, хоть и не сулило никаких материальных благ. Только лишь ответственность, но она в том возрасте, в котором тогда находился Вадим, была по большей части только словом. Во многом из-за этого жизнь, в конечном счёте, забросила его сюда. Земля, центральный округ, но по распределению лишь завод. Если бог и существовал, то он точно ничего не делал зря, потому что именно здесь Вадим Ожегов понял подлинную сущность постулатов, которые когда-то избрал для себя.

Религия как таковая уже давно была признана деструктивной, особенно в том виде, в котором существовала до великого перерождения мира. Все конкретные верования после него были упразднены, но само понятие осталось. Религия, которая теперь просто так и называлась, не имела святого писания, практически никаких обрядов, заповедей и законов. Духовенство, как таковое, тоже отсутствовало. Все служители религии, избравшие этот путь добровольно, должны были выполнять работы в соответствии с распределением. Молодому и сильному Вадиму Ожегову достался завод, а хорошие результаты в образовательном тесте позволили занять место универсального рабочего в пятом вспомогательном цехе. Если бы он имел специальное образование, соответствующее отрасли, то мог бы занять куда более выгодное место даже в первом вспомогательном, но он, находясь здесь, ценил свою близость к людям. В конечном счёте, одним из неписанных постулатов новой религии было именно служение. Служение людям.

Символом новой религии был круг и очерчивающая его окружность. В твёрдом виде, согласно правилам, опять же, неписанным, мог изготавливаться только из специальной медицинской стали, имевшей особенно светлый цвет. Внутренняя часть символа соединялась с внешней небольшим звеном-перемычкой, что во многом было символично. Вадим Знал об этом давно, но осознал только после периода, который он называл своим собственным перерождением. Активная служба и участие в значимых событиях остались позади, а остался покой и желание понять суть мира.

Именно это было одной из основных целей религии. Если наука отвечала за познание того, что можно познать её методами, то верование должно было быть направлено на то, что познать просто так нельзя. Учёные признавали, что не всё ещё могут объяснить и изучить сходу, а учитывая ненавязчивый характер новой религии, они не становились её противниками. Напротив, среди них было достаточно много последователей. Конечно, наличие священника как профессионала в серьёзном научном учреждении во все времена было бы серьёзной пошлостью, но обращения конкретных людей от науки к новым

священникам редкостью не были. Да и служителям религии, если они были для этого пригодны, разрешалось занимать должности, в том числе, в научных учреждениях. Потому что каким бы ни было общество, состояло оно из людей, а первой в списке непознанного значилась человеческая душа.

Именно в её понимании и служении ей состояла главная задача нового верования. Мировые лидеры во время великого перерождения признавали, что у религий есть и положительные стороны, которые в прежней формации были отодвинуты на задний план и опошлены. И именно исправлением этой несправедливости и явилось новое верование. Одно на всех, объединяющее всех, усреднённое, не вызывающее противоречий, служащее высшей цели. Не обходилось, конечно, и без шуток о том, что религия обслуживает то, с чем не справляются психология и психиатрия в плане понимания и лечения души, но это были всего лишь шуточки. Отрицание существующего верования тоже было не воспрещено, но в той или иной мере большая часть человеческого сообщества относилась к религии в разной степени серьёзно.

В рабочей среде, где теперь оказался Ожегов, и где всё всегда было просто, отношение к новой религии он бы охарактеризовал как в меру уважительное. Никто не делал ему никаких привилегий, увидев символ, который он носил на шее, но никто за это и не порицал. Иногда к нему обращались, и он выслушивал. Вообще, многим людям просто требовалось, чтобы их выслушали. Бывало даже так, что он не давал советов, просто в конце просил сложить вместе руки и помолиться. Это, пожалуй, был единственный ритуал, который был оставлен. Немая молитва — подходящая каждому и самая могущественная из всех.

Наверное, понимание молитвы являлось своего рода точным и чувствительным индикатором того, на каком этапе собственного развития и понимания своего дела находится священник. Когда-то Вадим Ожегов складывал руки, закрывал глаза, слегка опускал голову и видел свершения. Большие свершения. Собственные и не только. Он не занимал высокую должность, но в определённой степени вёл за собой людей. Его молитва помогала и ему самому, и им тоже. Но только потом, относительно недавно, он осознал, для чего она нужна на самом деле. Человек складывает руки, закрывает глаза, опускает голову и устремляется вглубь себя. Он ищет там ту самую душу, существование которой до сих пор не доказано наукой, которая позволила человеку совершать межзвёздные путешествия и строить колонии на большом удалении от собственного материнского мира.

Именно присутствие этой самой души долгое время пытался доказать самому себе Ожегов. Сначала подобные опыты его разочаровывали, потому что он не понимал, о чём идёт речь. И как бы ему ни пытались объяснить, он не мог понять этого. И только с осознания того, что это нельзя объяснить, начался его настоящий путь. Правда, сейчас он не мог сказать этого точно, но верил, что нашёл если не саму душу, то хотя бы путь к ней. Как глуп он был когда-то. Как можно вести за собой людей, пытаться помочь им, если ты и сам в себе не разобрался? Наверное, именно этим и был вызван тот чудовищный провал, который его постиг в прошлом.

В настоящем же была самая обычная жизнь. Эта тишина цехового пролёта. Рабочая смена ещё не началась. Даже соседний цех молчит, хотя он несколько крупнее, а системы его вентиляции и поддержания нужной температуры находятся недалеко. Эти рабочие, с которыми он сейчас здоровался, стараясь не сильно сжимать их руки. Первое время с этим вообще была беда, но со временем он освоился.

Эти обычные разговоры. О чём? Да ни о чём и обо всём сразу. Кто-то ждёт выходных,

чтобы отправиться за город. Кто-то хвастается новым приобретением. Кто-то спрашивает совета насчёт ремонта старенького автомобиля, на котором уже даже нельзя въезжать во множество зон из-за новых экологических стандартов. Всё это проявления стабильности, которую оцениваешь только тогда, когда её лишаешься. Однажды у него уже было подобное, и сейчас он ценил такие признаки стабильности больше.

Незадолго до начала смены всегда приходил Игорь. Мастер, невысокий мужчина сорока лет с аккуратной бородой. Пришёл он и сегодня. Тем, у кого ещё есть работа, он ничего не говорил, а тем, кто сделал всё, что требовалось, выдавал новые поручения.

— Вадим, — сказал мастер, когда очередь дошла до Ожегова, — идёшь сегодня в токарку. Там приволокли два ящика брака, надо подправить. Заодно, пожалуйста, следи за Лёшей, нервничаю я, когда он на мастеровом.

— Хорошо, — кивнул Ожегов.

В это время как раз прозвенел звонок, означающий начало смены. Автоматика тут же активировала все вентиляционные системы. Когда оборудование не работало, функционировали только маломощные. По расчётам, их должно было хватать, но только по расчётам. Кошмарная жара, опустившаяся сейчас на средние промышленные зоны, вносила свои коррективы. К счастью, Ожегов сегодня направлялся на мастер-участок — место, где стояли высококлассные универсальные станки. Там всегда поддерживалась постоянная комфортная температура, так что можно было не бояться за то, что ты обольёшься потом сразу после того, как начнёшь работать.

А вот насчёт Алексея, за которым просили приглядеть, Ожегов тоже был не слишком уверен. Вообще, будь воля Игоря, этого человека не допустили бы на мастер-участок, но того требовал регламент вкупе с высшим руководством. Это был молодой специалист, направленный сюда после прохождения третьей ступени образования. По потенциальной должности он был выше даже мастера, но пока что должен был ещё дослужиться до таких регалий. Одно дело знать производство на основе теории и небольших периодов практики, и совсем другое — сжиться с ним.

Однако регламент также предусматривал высокий допуск для специалистов такого класса. И этот принцип, подкреплённый волей руководства, давал юнцу доступ к высококлассному оборудованию. Что же касалось работы, то он всё делал неплохо, но порой очень торопился, вследствие чего часто ошибался. Именно поэтому мастер не доверил ему работу по исправлению брака. Хотя, в теории, мог бы.

На мастер-участке были и постоянные рабочие, выполнявшие плановые работы. Но, учитывая, что спешить здесь было нельзя, а всё нужно было точно выверять, им нередко требовалась помощь. Сам Ожегов имел допуск прежде всего потому, что научился работать спокойно и размеренно. Никаких нареканий по его работе не было, поэтому, после короткого ознакомления и прохождения небольшого экзамена он был допущен. В экзамене, кстати, частично заключалась небольшая неприязнь к рабочим с высокими степенями образования. Они не имели опыта, но их образование как бы по умолчанию обеспечивало им его прохождение.

До мастер-участка со станками токарной группы Ожегов шёл по узкому коридору, между другими мастер-участками. Каждому типу оборудования требовалось отдельное пространство и особые условия. Где-то влажность не имела существенного значения, а где-то должна была тщательно контролироваться. Где-то нужна была более высокая температура, а где-то более низкая. Впрочем, токарная зона была самой большой. Здесь

стояло несколько ровных рядов особо точных станков для соответствующих работ. Всё чисто и убрано. Немного прохладно, но это лишь ощущения после жаркого и душного скворечника. Стоит только немного поработать здесь, и это пройдёт.

— О, чего это ты к нам сегодня? — спросил один из рабочих, Дмитрий, высокий и худой, который в компании ещё двоих своих коллег докуривал сигарету, стоя в специально отведённом месте около вентилятора.

— Ага, — негромко ответил Ожегов, во время рукопожатий покосившись в ту сторону, где сегодня должен был работать. Его юного коллеги-специалиста там не было.

— Не пришёл ещё. Что, следить?

— Ага. И ещё где-то ящики с браком.

— Там у вас, вчера приволокли уже после смены.

— Всё, что за день напортачили, — усмехнулся Ожегов, — опять, наверное, плана добрать не могут.

В этот момент дверь отделения снова открылась, и внутрь вошёл Алексей. Выглядел он заспанным. Воскресенье прошло интересно в том или ином смысле. Вообще, он мог позволить себе прийти и с запахом, что в мастер-зоне было запрещено, и с него уже дважды снимали допуск. Но теперь он избегал подобного, потому что здесь третий раз — последний раз. Причём, последним он может быть не только по части допуска на данный конкретный участок, но и вообще в цех. Вышлют на основное производство, а там квалификацию получить сложнее. Недаром говорят, что все грамотные специалисты приходят со вспомогательного, где нет конвейера, и ты сам каждый раз решаешь, что и как будет сделано.

После приветствия Вадим в компании Алексея прошёл к станкам. У того уже была работа. Про себя Ожегов мог заметить лишь, что рабочее место прибрано очень небрежно. Махнул пару раз щёткой и всё. А в пятницу обычно все стараются убраться ещё более основательно, чем во все остальные дни. Наверное, начальник цеха, когда речь заходила о новом специалисте, говорил Игорю о том, что ему нужно дать время привыкнуть, и потом он сам уже будет знать, что и как. Тем более, дисциплина на таком уровне была приемлемой, если учесть, что в плане работы к новичку не было никаких претензий.

Алексей быстро просмотрел чертёж, положил его на столик, стоявший рядом, и принялся ставить первую деталь. Вроде бы всё и по порядку, но как-то дёргано и небрежно. Ожегов делал всё куда более размеренно. Он взял документы, прилагавшиеся к двум ящикам деталей, и внимательно их изучил. На чертеже красным было обведено несоответствие по одному размеру, который требовалось только немного проточить, только и всего. Конечно, ради такого не будут загружать деталь в многофункциональный агрегат и гонять его лишней раз.

Ожегов спокойно настроил измерительный инструмент, проверил, убедился, что несоответствие действительно имеет место, а потом принялся ставить деталь на станок. Это был небольшой корпус круглой формы. На одном из внутренних размеров стоял жёсткий допуск. Видимо, сюда должно было вставляться что-то, что должно было точно прилегать. Какой-нибудь ответственный механизм. Вадиму было бы интересно посмотреть, что именно, но из чертежа никаких выводов сделать было нельзя. Это было неудивительно. Множество изготавливаемых здесь изделий было секретными, и посвящать слишком многих в подробности их конструкции и назначения было нельзя. У тебя есть размер, есть допуск, выполни и отправь куда надо.

Настроив станок на чуть меньший размер, Ожегов сделал первую проточку. Остановил, проверил нутромером, подвёл, сделал вторую. Спокойно и размеренно, в точности по алгоритму. Первая деталь исправлена. Осторожно снять, поставить вторую и проверить точность установки.

Вроде бы он делал всё медленно и осторожно, но работа у него спорилась. Наглядная демонстрация того, что человеку иногда приходится выполнять недоделки машин. Он аккуратно ставил детали на стеллаж и размышлял. С другой стороны, если бы ему пришлось вытачивать всю сложную конфигурацию корпуса, это тоже было бы непросто. Снаружи он имел лишь короткую цилиндрическую часть и небольшой уступ, нужный для точной установки, а дальше сплошные кривые поверхности. То же самое можно было видеть внутри — лишь один размер, нужный для ориентирования и большая овальная часть, допуск на которую был значительно мягче.

Всё это сделали машины. Одна, учитывая пометку об особой структуре материала, вырастила заготовку, другая обрезала её точно в соответствии с чертежом и обработала. Ну а что не получилось у них, получится у человека. Невольно проводились параллели с религией, где машины, во многом облегчавшие жизнь людей были бы телом, а человек душой. Одно обеспечивает существование другого, и это замкнутый круг. Можно было бы пойти дальше и провести параллели с религией в современном обществе. Не стоило слушать тех, кто утверждал, что она совершенно не нужна. Современному заводу, где большую часть выполняемых работ можно было автоматизировать, ведь всё ещё были нужны люди, в том числе исполнители, как Вадим.

Так что при великом перерождении мира от религии не отказались, и даже в нынешние времена она оставалась нужна. Люди не могут выполнять быстро большое количество работ, но роботы без людей не смогут работать вообще. Это как тело со всеми его механизмами вдруг решило бы, что ему не нужна душа или наоборот. Вроде бы и не лишено смысла, но совершенно невозможно.

— Перекури, Вадим, — позвал Ожегова Дима, — не торопись, а то только уйдёшь, а ещё принесут.

— И то верно.

Сняв очередную деталь, Ожегов отошёл к вентилятору. Сам он не курил, но перерыв сделать был не прочь. Тем более, что сделал он уже много. Заодно это была возможность посмотреть на Алексея с другого ракурса. Во время работы он стоял к Вадиму спиной, и можно было видеть лишь его резковатые движения, но не больше. А сейчас Ожегов сказал бы, что тот слишком много снимает. Так можно и станок расшатать. Потребуется ремонт, чтобы вернуть высокую точность, но молодого специалиста интересовал лишь результат. Он тоже делал всё по схеме. По своей собственной схеме, знакомой по теории. А там говорилось, что если нет пометки об особой структуре детали, то количество снимаемого металла ограничивается возможностями станка и инструмента. Это особые детали нельзя перегревать или хоть немного деформировать будущую рабочую поверхность, а обычные можно.

— Как вообще дела, святой отец? — улыбнулся Дима.

— Да нормально дела. Поговаривают, что мы, как в старые времена, возможно, объединимся в общины.

— Ого. И к вам можно будет ходить? Как бы вас за такое не того.

— Мы же это не по своей собственной воле. Надо, значит, кому-то к нам приходиться.

— Ну да. Может, и смену уменьшат, как в старые времена.

— Этого бы уж точно не хотелось.

Как говорили учебники истории, когда-то духовенство было избавлено от каких-либо других работ на благо общества. Это было одной из причин того, что религии были упразднены. Потом, во время самого расцвета новой религии у священников была небольшая привилегия в виде рабочей смены, сокращённой на два часа. Это, как нетрудно догадаться, вызвало увеличение числа желающих посвятить себя служению человеческой душе без особого понимания, что для этого придётся делать. Поскольку в те времена численность духовенства не квотировалась, количество носителей светлого символа резко возросло, что не могло не вызвать недовольство.

Следующим ходом объединённого правительства было упразднение всех льгот, что вызвало недовольство многих представителей духовенства, и, как нетрудно догадаться, новую волну противодействия. Мало того, что религия стала совершенно непристижной, многих насильно лишали их символа. Как думалось Вадиму, со многими это сделали заслуженно, но были среди лишённых и те истинные, кто вне зависимости от привилегий выбрал бы этот путь.

Сам он те чистки миновал, потому что находился далеко от Земли, и в том месте и в то время было не до религиозных распрей. Это была самая настоящая работа священника. Работа, к которой он очень хотел вернуться в первое время после прилёта на Землю, и сейчас, если позволили бы, он сменил бы завод только лишь на неё.

— Боишься, что снова начнётся?

— Начнётся, — ответил Вадим, поглядывая на Алексея, — тогда из моих знакомых некоторых лишили очень зря. Это были хорошие люди. Они были противниками выражения протеста и просто попали под общую гребёнку.

— Что делать. Чем беспощадней чистка, тем чище по итогу.

— Я бы поспорил, — улыбнулся Вадим.

И вдруг относительно ровный гул станков мастер-участка нарушила громкая смесь металлического скрежета, стука и человеческого крика. Глазами Вадим увидел только, как Алексея перебросило через станок. Ожегов уже двигался туда, но тут дело решали доли секунды. Он быстро ударил рукой по кнопке аварийной остановки, и, чувствуя, что этого недостаточно, схватился рукой за останавливающуюся деталь, которую перекосило и зажало в кулачках. Стуки и басовый скрежет тут же были забиты скрежетом гораздо более высоким.

Ожегов остановил станок и поглядел на Алексея, глаза которого бегали между собственной рукой, почти оторванной станком, нательным символом Ожегова, вылетевшим из-под футболки во время рывка и его рукой, с которой деталь содрала куски имитационной плоти и обнажила металлический протез.

Через полминуты уже прибежала медсестра, которая при помощи того же Вадима и также ошарашенно глядя на его руку, вызволила юношу из станка и принялась останавливать кровь, обильно лившуюся из нескольких мест на руке. Алексей, отошедший от первого шока, продолжал кричать от боли, но всё равно то и дело бросал взгляд на то чудо, которым сейчас для него предстал Ожегов, которого он до этого видел простым и односложным человеком.

Сам Вадим отошёл от места происшествия и опустился на скамейку. Ноги его подкашивались, а здоровая левая рука, принадлежавшая ему с рождения, дрожала. В этом плане протез выглядел более выгодно. Несмотря на повреждение, он был невозмутим и готов к действию. А на нервный шум, который сейчас долетал до него по каналу управления, он не

реагировал.

В пять минут на токарном мастер-участке было уже всё представительство цеха и не только. Мастер, начальник, заводские врачи, которые быстро погрузили пострадавшего Алексея на носилки и увезли. Закончив помогать им, цеховая медсестра подошла к Вадиму.

— А вы в порядке?

— Да, — ответил он, — меня, что ли, чуть не накрутило?

— Может быть, вам тоже нужно наложить повязку?

Она осторожно глазами указала на разодранную имитацию плоти. Да, действительно выглядело некрасиво. К тому же, если позволить кускам болтаться, они могут порвать её ещё сильнее, да и не отрывать же их, в самом деле.

— Пожалуй, — сказал Ожегов, осмотрев свою правую руку.

Девушка сначала повернула его кисть ладонью вверх, потом осторожно уложила куски синтетики, примерно так, как они были, а потом полезла за бинтом.

— А наш святой отец не так-то прост, — сказал Дмитрий, глядя на металлические части, видные через прорехи в синтетике телесного цвета.

— Святой отец? — девушка смущённо подняла глаза на Вадима.

— Это звучит саркастично в наше время, — сказал он, — просто священник.

Она осторожно наложила ему повязку, благодаря которой можно было решить, что обе руки у Ожегова свои. Без видимых металлических частей сложно было даже предположить, что одна вместе с лопаткой и ключицей заменена протезом. Для крепления к телу применили дорогостоящие искусственные связки, а для функционирования самой конечности ограничились обычными моторчиками, работающими от нервных импульсов. Они были достаточно долговечны, но при такой компоновке их было ещё и легко заменять и обслуживать при необходимости. К примеру, если один вдруг начинал сбоить.

— И где это вас так? — осторожно спросила медсестра, когда завязывала бинт.

— Много мест существует, — уклончиво ответил Ожегов.

Если бы он упомянул Газзианскую войну и одноимённое восстание, вопросов было бы, конечно, больше. Ведь раз он жив и находится в общих мирах, то он явно был не на стороне восставших. Но одновременно с этим, можно было бы сказать, что всё прошло не слишком гладко. Рука его была восстановлена очень качественно, а даже с куда худшими протезами никого не списывали с фронта. Наоборот, подобные модификации, хоть и были вынужденными, приносили человеку дополнительные боевые возможности, начиная от более лёгкого обращения с оружием и снаряжением и заканчивая большей силой удара, если потребуется.

Ну а если без названия конфликта, то и с войной и должностью священника можно было предположить множество мест, так что в любом случае всё окажется не так-то просто. Хорошо ещё, здешние люди не настолько бесцеремонны, чтобы напрямую выяснять, что и как было в жизни Ожегова.

Но это прошлое, а что до инцидента, произошедшего в настоящем, то не обошлось и без выяснения обстоятельств. Хорошо ещё, не потребовалось писать объяснительные. Однако всех по очереди вызывали в кабинет начальника для разговора. Каждый вернувшийся на мастер-участок вызывал следующего конкретного человека. Вадима не звали, что казалось ему очень странным. Пожалуй, по доле участия он на втором месте после самого Алексея, но его слова как будто бы никого совершенно не интересовали.

Немного отойдя и убедившись, что он способен продолжить работу, Вадим вернулся к

станку. Он лишний раз проверял крепление и вообще всё, что было связано с работой. Неизбежно он сам стал бояться машины, которая до этого казалась ему совершенно безопасной. Да, это на самом деле так, особенно, если соблюдать технику безопасности, по которой вечно проводятся инструктажи и за которую вечно ругают. Что-то Алексей сделал не так, а он, Вадим, которому поручили следить за ним, недоглядел. Хотя, рукава у него вроде не болтались, очки были на нём. Видимо, второпях сунул руку туда, куда не следовало. А может, уже делал это не раз, и всегда обходилось, а сейчас не повезло. И в любом случае Вадим ощущал свой недосмотр. И эта девушка. Красивая. Она так на него посмотрела, когда узнала, что он священник. Может быть, стоило быть с ней помягче?

— Ожегов! — окликнул его один из рабочих, только что пришедший из кабинета начальника.

— Да, — ответил Вадим.

— Иди.

— Ага.

Он закончил проточку и остановил станок, после чего снял очки и направился на выход. Слухи уже распространились. Отсутствующая рука всё же была своего рода маркером в современном обществе. Это здесь на Земле всё было спокойно, а в остальном мире, куда устремились земляне-покорители, в каждый момент времени, где-нибудь, в той или иной степени шла война. Если не война с инопланетными захватчиками, то с космической стихией. Технологии воссоздания точных копий человеческих частей были пока ещё плохо освоены и крайне дороги. В основном их применение было целесообразно только для внутренних органов. Ну а уж что касалось безвозвратной потери конечности, то это могло произойти в ограниченном диапазоне условий. Того же Алексея, наверняка, где-то через месяц можно будет поздравить с полным выздоровлением.

— Можно? — осторожно поинтересовался Ожегов, приоткрывая дверь кабинета.

— Можно, — ответил начальник Марьин, невысокий угрюмый мужчина с тучным лицом и начинающей зарождаться лысиной, — проходи, присаживайся. Ну, расскажи нам, что случилось.

— Да что рассказывать, — ответил Ожегов, садясь на стул напротив своего мастера, — я увидел, как он перелетел через станок, а потом успел подскочить и всё выключить.

— И остановить шпиндель, нарушив технику безопасности.

— Я-то это могу, — спокойно сказал Вадим.

— Ну да, конечно. Видел я таких. Станок и не такие железки на себя намотать может. Выговор и тебе.

— Ладно, — ответил, Вадим, — что уж теперь.

— Как такое могло случиться? Ты что думаешь?

— Ну, разве что этому товарищу кто-то сказал, что для более быстрой остановки можно включать реверс. А он его передержал и зацепился. Не повезло.

— Не повезло, — усмехнулся сидящий напротив Ожегова Игорь, — такой фанат всё делать по теории, а здесь невтерпёж.

— Ладно, ты хоть замолкни. Одного осла хватит, — нервно одёрнул его Марьин.

Про себя Вадим подумал, что и мастер и начальник находятся в сложном положении. Не нужно быть детективом Вайзером из популярного вечернего телесериала, чтобы понять, что паренёк улетел от реверса. Ну а если они посмотрят, что и как он должен был делать, то выяснится, что и реверс он включил по сомнительным причинам. Так что ему нарушение

техники безопасности и неправильное обращение с дорогостоящим оборудованием. Не смотри, что токарный станок, по меркам даже этого завода примитивный, все детальки подогнаны одна к одной и большая часть из них со специальной структурой. После такого бум-бам повезёт, если машина отделается одной лишь калибровкой. Тоже, к слову, недешёвая операция, особенно, если забыть, что на заводе есть свои калибровщики. А высокое руководство очень любит это делать. Просто так, для остротки.

— Ты сам как вообще? — спросил мастер, кивнув на забинтованную руку Ожегова.

— Да я нормально. Мне-то что.

— Мало ли.

— Счёт за ремонт пусть выписывают нам, — сказал Марьин, — только, я прошу тебя, шум не поднимай и как производственную травму не оформляй.

— Ладно. Да это же не травма.

— Травма-травма, — сказал он, — и вообще, иди сейчас оформляй ремонт, а то с повязкой сам знаешь. К тебе, конечно, доверия больше, но бывает всякое. Там сейчас всё равно техника безопасности всех начнёт драть в хвост и в гриву.

— Вы же знаете, мы соблюдаем, — сказал Вадим.

— Один наш общий знакомый тоже вроде соблюдал.

Начальник нервно вытащил из ящика стола пепельницу и закурил. По тому, что его не отпускали, Вадим заключил, что хотят спросить ещё о чём-то. Вариантов, впрочем, было немного.

— А где руку-то потерял? — спросил Марьин.

— Я не думаю, что стоит об этом говорить.

— Да ладно тебе. Прямо так уж плохо всё?

— Да не особо.

— Газзиан? — спросил Игорь.

— Да, — ответил Вадим, сначала посмотрев на мастера тяжёлым взглядом.

— А чего такого-то? — спросил начальник, откинувшись на спинку кресла.

— Да нет, ничего. Просто, не люблю об этом говорить.

С точки зрения простого упоминания о тех событиях всё было не так мрачно, как могло показаться из уклончивости Вадима, а скорее наоборот. Немногие тогда поддержали восставших. В первую очередь из-за неуместности и несвоевременности выражения протеста, и только во вторую — из-за его формы. Шла война, и враг мог напасть в любой момент. Враг, который был очень опасен. На тот момент люди толком не знали, что из себя представляет настоящий газзианец, и тем ситуация была ещё нестабильнее. Сам Ожегов тоже не поддерживал восставших в силу своих убеждений, но не был и сторонником вооружённого метода восстановления порядка. Но не потому, что боялся погибнуть.

— Как желаешь. Ладно. Переодевайся и иди. Где там восстанавливают протезы? Счёт отдашь потом Игорю.

— Хорошо.

Мастер не пустил Вадима даже убрать станок, сказав, что сделает это сам. На мастер-участке уже была целая толпа из общезаводских шишек среднего калибра. Ещё бы, безопасность — одна из самых главных характеристик современного производства. Там, где её нельзя обеспечить, так сказать, насильно, должен быть жёсткий контроль. Если на основном производстве все исполнительные механизмы станков были закрыты, и человек физически не смог бы попасть внутрь ограждений, даже если бы захотел, то на единичном

производстве вспомогательных цехов такие меры повсеместно обеспечить было нельзя.

Вообще, Вадим предпочёл бы остаться, но раз уж его решено было спрятать, то он не стал сопротивляться. Не он заварил эту кашу, но он участник, которого хотели убрать со сцены. Это действительно позволит минимизировать угрозу. Да, Алексея на мастер-участок вряд ли допустят, и вообще наверняка хотя бы на время уберут от производственного оборудования, но всех остальных этот инцидент должен коснуться как можно более мягче. Руководству — устный выговор, станку — проверка и калибровка, если потребуется. Ну а с Ожеговым вообще всё можно утрясти безболезненно.

Глава вторая

Кто-то может появиться

В очереди сидеть не пришлось. Конечно, ведущий врач Ожегова долго охал и ахал по поводу того, как можно было так варварски обойтись с протезом, который он, пожалуй, не постеснялся бы назвать и произведением искусства. Впрочем, если не считать его замечаний, ремонт прошёл быстро. Синтетическая плоть состояла из трёх частей со стыками на локте и запястье. Её разрезали по старому шву, сняли, проверили функциональность механики, заменили несколько деталей и то лишь по подозрению в скорой утрате работоспособности, а потом надели новую синтетику на кисть и запаяли шов, который после этой процедуры стал совершенно незаметен.

Счёт был немаленький. Конечно, тут кошельки клиентов не жалели, тем более, что замены некоторых деталей можно было избежать. Ну да это было нестрашно, потому что платить за ремонт должен был не сам Вадим. На его плечах было лишь гарантийное обслуживание, на которое у него была скидка, учитывая обстоятельства, при которых ему этот протез вообще понадобился.

Закончил свои дела он рано, задолго до конца заводской смены. Рабочая зона в это время была немногочисленна — даже немного дико было наблюдать за пустыми улицами, которые ты привык видеть заполненными. Ожегов чувствовал себя немного неуютно, но раз сказали сегодня даже не появляться, то он выполнит это указание.

От медицинского центра он пешком дошёл до своего жилого квартала — ровной череды пятиэтажных домов, стоящих друг к другу в упор. Зашёл он только в магазин за продуктами, где робот-продавец обслужил его за пару минут по причине всё того же отсутствия людей.

Ожегов уже предвидел скучное времяпрепровождение, когда по приходу в дом его домашний телефон сообщил, что у него одно сообщение на автоответчике. Это был точно не кто-то из самых близких, потому что у них всех был номер его мобильного. Да и разную рекламную шелуху система отсеивала, чтобы беречь время владельца.

Тем не менее, Вадим сначала убрал продукты в холодильник, и только потом вернулся к тумбочке в прихожей, на которой стоял телефонный аппарат и нажал кнопку.

— Вадим, — раздался из трубки знакомый голос, — это Михаил Плетнёв. Послушай, пожалуйста, то, что я тебе сейчас скажу. Я знаю, у нас были разногласия, но сейчас ты очень нужен. Не только мне, но и нашему общему делу. Надеюсь, общему. Я знаю твоё отношение к вере, и это как раз то, чего нам сейчас недостаёт. Если тебя не затруднит, пожалуйста, перезвони мне, и мы всё обсудим. Спасибо, что послушал. Надеюсь, что не откажешь.

Плетнёв — тот, кого по праву можно было называть святым отцом. Если бы у нынешних деятелей религии было бы подобие церкви или хоть небольшая централизация и руководство, старый служитель занимал бы в нём высокую должность. С Ожеговым у них давно были разногласия. Они разошлись в вопросах того, что сам он называл верой. Вадим считал само это выражение пережитком прошлого и возвращением к тому, от чего общество стремилось избавиться и избавилось. Во время их перепалки Плетнёв назвал его конъюнктурщиком, который примет что угодно, лишь бы оставаться на своём месте, а потом очень прошёлся по теме Газзиана. Некорректно и нехорошо прошёлся.

Разумеется, он был неправ. Неправ во всём. В частности, в сохранении звания священника любой ценой в нынешнее время не было никакой корысти. Даже то малое, что

выражалось в немного уменьшенной трудовой повинности, у них отобрали. Брать деньги за оказанное служение категорически запрещалось, даже если сам желавший успокоения предлагал их от чистого сердца. Звание предполагало лишь ответственность, и ничего больше. Ну а что до Газзиана, то Ожегов справедливо считал, что никто не вправе ставить себя на его место и решать, как именно он должен был поступить.

Тем не менее, Вадиму стало интересно, что хочет сказать ему Плетнёв. Может быть, старик решит извиниться за свою чрезмерную резкость? Может быть, ему действительно нужна помощь? В конце концов, священник сейчас своего рода врач — он помогает тем, кому это нужно, но это совершенно не значит, что ему самому время от времени не нужна помощь.

В глубине души, помня прошлые разногласия, Ожегов не слишком горел желанием перезванивать своему старому знакомому. С другой стороны, он не был злым человеком, и, раз уж Плетнёву нужна помощь, он был готов ему помочь.

Ожегов взял с телефона трубку, прошёл в комнату и сел на диван.

— Неужто старый служитель всё же решил меня признать, — сказал он, выбирая в меню последний входящий и начиная набор, — хорошо, что сейчас не прошлые времена, когда можно было просто так отлучить от церкви.

— Здравствуй, Вадим, — Плетнёв почти сразу взял трубку.

— Здравствуйте. Я слушаю вас.

— Ты нужен нам для очень важного дела, — сказал он.

— Почему я? У вас нет более опытных и доверенных? А самое главное, сходящихся с вами в взглядах?

— Ты всё не можешь простить мне те мои слова? Я думал, ты выше всего этого.

— Я выше, иначе я бы вам не позвонил. Но и делать вам привилегии тем, что забыл, я не хочу. Так что вы хотели?

— Это сложный вопрос, чтобы о нём можно было рассказать прямо сейчас, по телефону. Скажу лишь, что хочу попросить тебя представлять нас на очень важном мероприятии. Ты не представляешь, насколько важном.

— Допустим, это важно даже для всей планеты. Почему я? У вас куда больше высокопоставленных и более доверенных. Может быть, вы скажете мне правду?

— Вадим. Я боюсь говорить прямо, потому что ты не поверишь мне ещё больше. Может быть, мы встретимся?

— Я ещё не согласился вам помогать. Говорите прямо. Как всегда. Раньше проходило нормально, так чего сейчас бояться?

— Хорошо. Событие, где ты должен нас представлять, имеет самый высокий уровень. И проверка всех, кто будет в нём участвовать, тоже самая высокая. А мы, как ты знаешь, последнее время не слишком пользуемся доверием. Скажем так, они выбрали тебя. Тут, наверное, сыграло роль и твоё прошлое, и вообще твоё безоговорочное следование, да и возраст тоже. Скажем так, они решили, что ты подходишь больше нас всех.

— Но вы так, разумеется, не считаете.

— Ты провоцируешь мой эгоизм, а ты сам знаешь, что так делать нельзя. Подумай, как мыслил бы ты на моём месте.

— Не буду. Остановимся на том, что я вас понял.

— Каков твой ответ?

— Если это самая высокая проверка, то почему ваши «они» связываются со мной через

вас?

— Всех нас проверяли и спрашивали. В том числе, насчёт тебя. А когда решение было принято, они решили, что пусть лучше с начала с тобой поговорит кто-то, кто тебя знает.

— Это был намёк на то, что пора уже сказать мне, кто такие эти ваши «они»? Вы не считаете, что мне можно это знать?

— Высший мировой совет. А проблема затрагивает не только Землю.

— Если вы сейчас шутите, то знайте, это очень неудачно.

— Именно поэтому они хотели, чтобы со священником в первую очередь поговорил священник. Ты ведь знаешь, что среди нас не принято шутить. Особенно, такими вещами.

— И что это за проблема?

— Мне сейчас нужно только твоё согласие, а говорить с тобой будут они сами.

— Я не могу соглашаться, не зная, на что я иду. Всегда, когда от меня требовалось решение, я знал, что выбираю.

— Я не могу.

— Вот когда кто-то сможет, тогда я и отвечу вам. Я готов на всё ради нашего мира, но я должен знать. А сейчас до свидания.

Плетнёв больше не пытался уговорить Ожегова. Он всегда был тюфяком, даже когда не был так стар. Именно поэтому ему и не доверяли. В том, что он называл следованием, нужен был определённый стержень, воля и сила. У него этого не было. Он был неплохим человеком, мог помочь тем, кому требовалась его помощь, но этого было недостаточно. Сам в себе при этом он разбирался плохо. Невозможно узнать, помогает ли на самом деле человеку его молитва, но если бы насчёт старика спросили Вадима, он сказал бы, что не помогает.

— Прошое, — злобно усмехнулся он, возвращая трубку на базу, — возраст! Может, ещё и пол играет роль?

Заводской обед уже прошёл, но хоть и с опозданием, Вадим принялся за еду. Он ждал, что его телефон снова вот-вот зазвонит, но этого не происходило. Как же те, кому он так нужен? Или для них принципиально важно не рассказывать ему о том, что от него потребуется? Чтобы он согласился выполнять наивысшее поручение вслепую?

Никто не позвонил ни после обеда, ни вечером. Конечно, у Вадима не было даже мыслей насчёт того, что Плетнёв врал ему или хотя бы шутил. Просто, могло оказаться, что он воспринял всё не так, как было на самом деле. Поручение могло оказаться не таким важным, и с ним вполне мог справиться кто-то другой.

Конечно, тот факт, что Вадим не спешил соглашаться, совершенно не значил, что ему и вовсе не интересен этот вопрос. Напротив, он очень хотел бы знать, что такого могло произойти в масштабах мира, что высшему совету потребовалась помощь священника, да ещё не просто доверенного, но подходящего по каким-то другим параметрам. Плетнёву самому могли не сказать, что именно, в конечном счёте, повлияло на выбор высших представителей власти. Что же до того, что он им очень нужен, то они могли бы и позвонить. Или обычные номера телефонов у них не в ходу?

Когда утром перед тем, как разойтись по участкам, рабочие обсуждали, что на завод прибыл кто-то высокопоставленный, Вадим даже не допустил мысли о том, что это может иметь отношение к нему. Даже то, что по слухам, делегация собирается прибыть и в их цех, не произвело на него должный эффект. Он, скорее всего, будет на мастер-участке, так что до него они точно не дойдут.

Появившийся незадолго до начала смены Игорь, дал задания всем, кроме Ожегова, которого отвёл в сторону. В первую очередь его интересовал счёт за ремонт протеза, который Вадим ему отдал.

— Что по работе? — спросил Ожегов.

— Сегодня ты опять в токарке. Только там нужно на деталях контур подправить. Кусок программы в распечатке прилагается.

— Хорошо.

— И только постарайся, чтобы на этот раз всё тихо, а то комиссия какая-то приехала.

— А я-то что? Я всегда тихо, — улыбнулся Вадим.

— Добро. Приступай.

Конечно, работники мастер-участка в первую очередь желали лицезреть новую руку, которая только для привычного Ожегова выглядела заметно новее предыдущей, а для неподготовленного глаза была неотличима и от вчерашней, и от настоящей. Конечно, все знали, до чего дошли современные технологии, но лицезреть проявление этого своими собственными глазами да ещё вблизи, мало кому доводилось.

— Так, а что техника безопасности? — спросил Вадим.

— А что они? — ответил ему Дима, — поорали, поорали и ушли. Потом калибровщик приходил после обеда. Покрутил своими индикаторами, сказал, что всё в норме и ушёл. Кулачки только шлифануть сказал.

— Ну и ладно. Хорошо, что хорошо кончается.

— Не слышал, комиссия какая-то ходит?

— Вообще без понятия, — пожал плечами Вадим, — не видел, не знаю, сам только услышал.

А потом все принялись за работу. На сегодня у Ожегова задание было чем-то проще, а чем-то сложнее. Работать предстояло за станком с программным управлением. Особых навыков управления на нём не требовалось, но нужно было уметь создать новую программу, точно выставить деталь, а потом пройтись по контуру сложной формы резцом для тонкой обработки. Вообще, что касалось подобного брака, обычно он не исправлялся, даже будучи теоретически исправимым — проще было сделать новую деталь, чем обеспечить точность при доделке. Но этот случай был, видимо, особым, хоть Ожегов и не мог понять, почему, исходя из одного лишь чертежа. Обычно подобное имеет место при наличии особо структурированного и дорого сплава, но здесь это был простой алюминий. Могла, конечно, вмешаться и политика — все цеха нужно было загружать работой, пусть даже частично в ущерб прибыли, но с увеличением выработки.

Что же касалось безопасности, то работа на станке с программным управлением в этом плане была лучше. Вся рабочая зона была закрыта, а руки рабочего непосредственно при обработке требовались только для нажатия на кнопку. Свои сложности тоже были, но касались в основном точности установки и настройки.

Однако главные события сегодня происходили не в рабочей сфере. Не прошло и часа от начала смены, как на участок вбежал мастер Холмин. Он руководил работой тех, кто трудился здесь постоянно. Впрочем, под его непосредственное руководство нередко отдавали и Ожегова для выполнения разовых работ. Вид у худого и невысокого Холмина был взерошенный и тревожный. Переступив порог, он быстро оглядел подчинённую ему территорию, как будто выискивая несоответствия. Выглядел он так, как будто хотел что-то сказать, но ничего не говорил.

— Что такое? — спросил Дима, первым обратив на него внимание.

— Атас. Комиссия идёт.

Холмин продолжал осматриваться. Можно было подумать, что его глазам предстала куча несоответствий, и он не знал, за что схватиться в первую очередь — что вызовет больший гнев проверяющих. Но все рабочие места были в порядке, климатические системы работали, а монитор, висевший на колонне прямо напротив входа, показывал полное соответствие температуры и влажности установленным для мастер-участков требованиям.

— Может из-за вчерашнего? — предположил кто-то из-за рабочих.

— Может. Посмотрите, крови там нигде нет?

Он подбежал к станку, где вчера выписал пируэт Алексей, и внимательно оглядел. Всё, как требовалось, было приведено в надлежащий вид. Кровь вытерта, а всё остальное убрано. Даже предположив, что, судя по виду Холмина, он только что узнал о том, что проверка придёт именно сюда, Ожегов не думал, что это всё из-за него.

Только когда он увидел вошедших, понял, что это не совсем костюмы, в которых обычно ходят высокопоставленные люди промышленной отрасли. Те ограничиваются классикой с рубашкой и галстуком, а в френчах такого покроя со стоячим воротником и застёжками с левого бока, ходили только высшие чины из совета. Тем более, что знаки различия в виде полос разного цвета и количества, соответствовали.

Один из них, невысокий, прилично полизевший человек, сразу устремился к Ожегову, который, как и все остальные, кто мог, невольно оглянулся на вошедших.

— Вадим, я вас узнал, — сказал он.

— Меня? — удивился Ожегов.

— Вас, конечно же. Именно с вами я хотел бы поговорить. Ну, мы заодно проинспектировали производство, выявили кое-какие недостатки, но главной нашей целью были вы.

Общее молчание, вызванное ошеломлением, нарушил только резкий писк станка, известившего о том, что он отработал программу.

— Можем мы поговорить? Или вы очень заняты?

Он обернулся на Холмина, которого выдавал халат, который носили мастера и инженерные работники.

— Нет-нет, — тут же затараторил взъерошенный Холмин, — это может и потерпеть немного. При необходимости я назначу кого-нибудь другого на эту работу.

— Отлично.

Невысокий и лысеющий, представившийся младшим советником Яблоковым, был здесь самым высокопоставленным, если судить по знакам различия в виде трёх жёлтых полос. Он был чем-то похож на одного актёра, игравшего в старых комедиях, отчего Ожегов не мог воспринимать его серьёзно. Но кроме этой похожести ничего комичного ни в его движениях, ни в его словах не было.

Когда только Яблоков остался с ним наедине в кабинете начальника цеха, Ожегов подумал, что всё действительно серьёзно. Он вчера сказал Плетнёву, что если уж уровень настолько высок, то высшее руководство могло что-то сделать, и оно сделало. Очень масштабно. Даже чересчур масштабно. Пожалуй, сам Вадим предпочёл бы звонок, хоть и поверить одним лишь словам было бы сложнее..

— Так. Пепельницу оставил, — сказал советник, садясь на место начальника и расстёгивая свой китель.

Ему было немного тяжело дышать, да и стоячий ворот, видимо жёстко регламентированный в размерах, сдавливал его пухлую шею. Он не без облегчения вздохнул и закурил. Ему действительно была приготовлена чистая пепельница, а в помещении приятно пахло освежителем.

— Присаживайся, чего стоишь? Не бойся. Мы дрючим только руководство. И потом, я здесь не для этого.

— Хорошо.

Ожегов уселся и посмотрел на Яблокова. Тот делал большие затяжки длинной чёрной сигареты, как будто не мог надышаться.

— В общем, с тобой вчера говорили. Тебе была нужна серьёзность наших намерений, и вот она у тебя есть. Ты согласен?

— Я должен знать, на что.

— В общем, рассказываю вкратце. Как ты понимаешь, среди нас тоже есть те, кто, так сказать, близок к религии. У нас намечаются очень серьёзные переговоры. Мы будем говорить не только от лица правительства, но от лица нашего мира в целом. И определённые люди настояли на том, чтобы в общей делегации был священник. При этом они категорически отвергли всех, кого у нас принято считать высшими и приближенными.

— Тогда почему сами представители совета из числа относящихся к религии, не хотят выступить от лица всех нас? Вы не подумайте, что я вам отказываю или хочу нагрубить. Я ведь не дипломат. Я не умею вести переговоры.

— Это не потребует. Ты должен будешь просто представлять землян. Ту их часть, которая имеет отношение к религии. Да вообще, к чёрту эту всю корректность. Верит. И только в этом отношении. Признаюсь, именно этот вопрос стоит особенно остро, в силу специфики.

— О которой вы не можете мне рассказать.

— Согласись, и я скажу. Тебе нужно было доказательство того, что всё серьёзно? Ты его получил. Мы и правда должны были посетить этот завод, но через месяц и только космическое отделение. Я, признаться и не знал бы, что здесь есть пятый вспомогательный цех.

— Очень зря, мы и для космического иногда делаем.

— Мне нравится твоя смелость. В меру осторожная и при этом смелость. Выбор пал на тебя не зря. Так ты согласен?

— Хорошо. Если, как вы говорите, от меня ничего сверхъестественного не потребуется, я согласен.

— Отлично, — Яблоков улыбнулся.

— Так, что за дело?

— У нас новый контакт с особыми инопланетянами. Они очень развиты, превосходят нас во всех отношениях, но у них очень необычный подход. Они заявляют, что они наши боги.

— Что, простите? — ошеломлённо переспросил Ожегов.

— Да, да, — ответил Яблоков, — ты не ослышался. Они наши боги. Они изучили нашу историю и пришли к такому выводу. Теперь они силятся нам это доказать. Я не силён в этих вопросах, я промышленный советник и в основном по космосу. Но дело там хитрое. Мы обратились за настолько высшим советом, насколько это вообще может быть. Совет этот состоял в том, чтобы мы пригласили на обсуждение священника.

— И почему я? Я ведь даже толком историю религий не знаю. И в нашем деле не самый сведущий.

— Религия больше не дело, и историю знать не нужно. Ты, Вадим Ожегов, просто будешь присутствовать на переговорах, и если тебе будет, что сказать, ты это скажешь. Да, твоя смелость тебе пригодится.

— И что они от нас хотят вообще?

— Всё потом. Заканчивай смену, скажи соседям, чтобы приглядели за квартирой, а вечером я пришлю за тобой машину. Ночью мы улетаем.

— Хорошо.

— Ладно, можешь идти, а я докурю и пойду догонять своих. Инспекцию космических цехов тоже никто не отменял.

— Да. Конечно.

Ожегов поднялся, отошёл к двери и уже положил руку на ручку, после чего обернулся.

— А если мы просто пошлём их к чёрту? Будет война?

— Войны не будет, но посылать к чёрту люди из политического не советуют. Тебе всё расскажут, можешь не переживать.

— Хорошо.

— До вечера. И Вадим, подробностей никому не рассказывай. Скажи, что важное дело и всё.

— Конечно.

Конечно, помимо того, что Вадиму был показан действительный статус предстоящего мероприятия, на участие в котором он согласился, члены совета наделали кучу шума. По его мнению можно было всё сделать и скромнее, но они, видимо, побоялись, что он откажет, как не побоялся отказать Плетнёву. Теперь же каждый, кто вообще хоть как-то общался с Ожеговым, тут же спешил спросить, что случилось. Вадим так и отвечал, как советовал ему Яблоков — дело очень важное, но говорить нельзя.

Хорошо ещё, что на мастер-участок все подряд не ходили, и Ожегов после возвращения и отшучивания от очередной волны вопросов мог окунуться в работу. Так незаметно и без происшествий наступил обед. Устроившись за столиком позади станка, Вадим принялся за еду. Потом его начало клонить в сон, и, раз уж делать всё равно было больше нечего, он позволил себе подремать, прислонив голову к стене и завернувшись в робу. Несмотря на жару, стоявшую снаружи, здесь, на мастер-участке, в состоянии бездействия да ещё с непривычки могло стать прохладно.

Из сна его вырвало осторожное обращение.

— Простите.

Голос был мягкий, женский и как будто немного знакомый. Открыв глаза, Вадим увидел вчерашнюю медсестру.

— Да? — он встряхнул головой и поднялся от стены.

— Я хотела бы с вами поговорить. Если можно, не здесь.

— Хорошо. Конечно.

Сопровождаемый взглядами и улыбками, Ожегов направился на выход. В коридоре навстречу сразу била волна тепла, которая после прохлады не казалась такой уж страшной.

— Кстати, как ваша рука? — осторожно спросила девушка.

— Как новенькая, — Ожегов поворачивал перед собой ладонь, которая ещё вчера была очень сильно разодрана, — технологии творят чудеса.

— Тому молодому человеку тоже очень повезло. Говорят, он быстро поправится.

— Это хорошо. Вы, кстати, так и не сказали, как вас зовут.

— Екатерина.

— Я Вадим. Очень приятно.

Они спустились вниз на один этаж, где располагался и медпункт, соседствовавший с остальными хозяйственными помещениями. Екатерина была единственной медсестрой, положенной по штату, поэтому и в помещении кроме неё никого не было.

Здесь была кушетка, стол, стулья, шкаф с непрозрачными дверцами и небольшой холодильник в дальнем углу.

— Так о чём вы хотели поговорить?

— Я хотела бы помолиться.

— Просто помолиться или о чём-то поговорить?

Вадим уверенно встал напротив неё и заглянул в её большие голубые глаза.

— Я не знаю. Как-то непривычно. Я и не знала, что вы...

— Мы не афишируем это. Вы знаете, как некоторые к нам относятся, хоть никаких привилегий у нас уже и нет.

— Да. Я понимаю. Присаживайтесь.

Она воспользовалась первой же возможностью, чтобы отвести от него взгляд, и прошла за свой стол. Поговорить она всё-таки хотела, но не решалась. Конечно, у каждого человека своя история, которая тревожит его, и которой он хотел бы поделиться, но всё равно это вызывает стеснение. Очень напрасно, учитывая, что по характеру своей деятельности, Вадим часто сталкивался с чем-то подобным. А уж если бы он рассказывал свою историю в подробностях, она затмила бы многие другие.

— Вы встревожены. Если уж вы решили открыться, то сделайте это. Вам сразу станет легче. И не бойтесь. Всё, что вы скажете, останется строго между нами, — он говорил мягко и легко улыбался, располагая к себе собеседника.

— Просто столько всего, а время... Уже скоро сигнал.

— Постарайтесь вкратце, если вам хочется рассказать всё здесь и сейчас. Если же вы не хотите комкать, мы можем продолжить в другой раз.

Она рассказывала путано, перескакивая с одного на другое, но Вадим всё равно понимал. То, что для Екатерины было катаклизмом, в общем плане оказалось вполне типичной историей. На неё в один узкий период времени обрушилась череда серьёзных несчастий. Умерли родители, потом погиб муж, а с родной сестрой они сильно поругались, потом она ещё долго не могла найти работу, потому что не хотела никуда уезжать из одной из южных промышленных зон. Дело было даже не в климате, а в том, что это было место, где она родилась и выросла.

— И в один момент вы решили перестать цепляться, — сказал Ожегов, — это было верное решение. Вы переехали и нашли успокоение в труде.

— Я всё равно как-то...

— Ваша сестра. В каких вы сейчас отношениях?

— Мы иногда разговариваем, но всё равно как-то...

— Вам нужно обсудить с ней ваш тогдашний конфликт и убедиться, что всё забыто. Пожалуй, он давит на вас больше всего. Всё остальное, как бы не было тяжело, решено. Близких не вернуть, и останется только свыкнуться. Жизнь продолжается.

— Всё так просто, да? — в этой фразе ему слышался укор, но он не воспринимал его.

— Да. Всё очень просто. В сущности, я вам даже не нужен, вы почти всё сделали для себя сами, — он снова мягко улыбнулся, — сложите ваши руки.

Он придвинулся ближе и поставил свои локти на стол. Хоть Екатерина и была не слишком рада тому, что затеяла, выполнила его просьбу. Сложила руки, немного склонила голову и закрыла глаза. Всё по неписанной инструкции, но всё совершенно не имеет смысла. В ней чувствовалось напряжение, а ведь это первое, что нужно было отринуть. Без этого не было смысла пытаться проникнуть в глубину своей души и что-то там обнаружить.

— Вы напряжены, — мягко сказал Вадим, кладя свои руки поверх её, — выдохните и успокойтесь.

— Не получается.

— Получится. Слушайте моё дыхание и постарайтесь дышать также.

Он медленно вдохнул и так же выдохнул. Сначала у неё не получилось, но потом она уловила темп.

— Напряжение уходит, тело растворяется в покое, и вы двигаетесь вглубь себя.

Он чувствовал, как её руки становятся более мягкими. Нужно было дать ей время, а потом спросить, что именно она там видит. Но все подобные планы испортил сигнал, говоривший о том, что пора занять рабочие места. Руки Екатерины мгновенно напряглись снова. Пожалуй, реальность всё же давила на неё, и очень сильно. Но в её глазах, когда она их открыла, он увидел уже не тот укор и неверие, а благодарность. Молитва действительно подействовала на неё, хоть и не в полной мере. Он неловко улыбнулся, продолжая держать её руки.

— Спасибо, — тихо сказала она, — я слышала, они приезжали к вам. И вас забирают.

— Почему же забирают? — улыбнулся Вадим, поднимаясь, — я уезжаю сам.

— И вы вернётесь?

— Когда хотят забрать так, как имеете в виду вы, не заявляются на завод и не афишируют это. И уж конечно, этим не занимаются члены высшего совета, — улыбнулся Ожегов.

— Тогда, когда вернётесь, обязательно заходите.

— Конечно.

— И если я могу что-то для вас сделать...

— Можете, — улыбнулся он, — просто окончательно помириться с сестрой и постарайтесь успокоиться. Жизнь продолжается.

— Хорошо.

Кивнув, Вадим распрощался с Екатериной и быстрыми шагами направился в сторону мастер-участка. Да, конечно, избежать пошлых шуточек не удастся, но что уж поделать. Они уж точно поблуждают-поблуждают, да перестанут, а помощь человеку будет долговечной.

— Ну как, исповедовал? — спросил Дима, который во время сигнала, казалось, только начинал свой перекур.

— Вечно ты всё опошлишь.

— Да ладно. Что она хотела?

— То самое, о чём я не могу говорить с тобой.

— Ты бы к ней присмотрелся, — к ним подошёл другой рабочий, Стогов, — она девушка хорошая, и свободная. Ты тоже, знаешь, засидишься скоро.

— Да ну, я же ей не нравлюсь, наверное.

— А то она вот так взяла сама к тебе и пришла, потому что не нравишься, — сказал

Дима.

— Да-да, — подтвердил Стогов, — так что ты подумай.

— Хорошо. А сейчас пойдём работать. Проверка на заводе.

— Ну, — протянул Дима, выкидывая в урну окурок, — раз святой отец призвал к труду, тут уж никто не откажется.

Остаток дня прошёл спокойно, однако покой этот был лишь внешним. Хоть Вадим и никак не показывал это, мысли его были заняты Екатериной. Наверное, так, с одного взгляда, пусть и не мимолётного, с одного прикосновения и недолгого разговора начинается влюблённость. Потом ему удалось эти мысли отогнать, потому что ему предстояло серьёзное мероприятие, где уж точно нужно было думать не о личном.

Глава третья

Бог, которого можно встретить

Как будто в тон размышлениям Вадима, советник Яблоков был мрачен. Конечно, по его собственным заверениям, он не имел никакого отношения к тому вопросу, для решения которого потребовался священник, но, как думалось Ожегову, если этот вопрос касается мира в целом, то он затрагивает специалистов абсолютно всех без исключения сфер.

Советник, с которым священник ехал в одной машине, молчал, и Вадим молчал вместе с ним, хоть и оставалось ощущение того, что тот хочет что-то сказать. Их транспорт тем временем выехал с окраины и направился по большой магистрали к пассажирскому космопорту.

— Тогда, на Газзиане, — сказал Яблоков, — это правда?

— Что именно?

— Что ты, хоть и выполнил приказ, всё равно им сочувствовал.

— Сочувствовал не совсем верное слово для того случая. Я сочувствую всем людям, потому что мы стёрли как можно большее количество границ между нами, и это было правильно. Тогда, на Газзиане, они поступили неверно, выставив очередной барьер в тяжёлое для нас всех время. Но они не перестали быть людьми и нашими с вами братьями. Я сделал, то, что было нужно — выполнил приказ. Это самое главное на войне. Но приказ не запрещал мне проявлять сочувствие, хоть мой внутренний приказ и соответствовал приказу внешнему. И я раскаивался за содеянное, но только если смотреть на это с другой стороны.

— Ха, — тихо усмехнулся Яблоков и открыл пепельницу в дверце машины, — у тебя очень правильное мировоззрение. Я не удивлён, что он выбрал именно тебя. Вопрос в том, откуда он знал? Не перестаю удивляться его мудрости.

— О ком вы говорите? Кто меня выбрал?

— Помнишь, я говорил тебе, что мы испросили высшего совета? — сказал Яблоков, закуривая.

— Да, помню. Настолько высшего, насколько это вообще может быть.

— Мы обратились к генералу Ланову.

Это был один из лидеров давнего восстания, которое в конечном счёте привело к перерождению мира. Великолепный оратор и мудрый человек, Ланов сумел объединить под своим началом много людей, и с каждым днём ряды тех, кто присягал ему на верность, пополнялись. Не обходилось, конечно, и без кровопролития. Кто-то и сейчас скажет, что его было непомерно много, но, как возразили бы им, результат в любом случае оправдал себя полностью.

— И он знает обо мне?

— Выходит, что так. В последнее время генерал плохо себя чувствует. Всё-таки двенадцатый десяток пошёл.

— И ничем нельзя помочь?

— А тут я вынужден сказать, что не могу обсуждать это с тобой. Я вообще не должен тебе говорить, что это была его воля. Просто решил, что сам он был бы не против. А может, я просто никогда не был в одной машине с настоящим священником, вот и разволновался.

Ожегов легко улыбнулся словосочетанию «настоящий священник». Про себя он назвал бы ненастоящими тех, кто выбирал не служение, а привилегии, которые с ним связаны. Так

что, учитывая нынешнее отсутствие каких-либо выгод, становится священником поддельным сейчас желающих не было, так что выглядело это как анахронизм, причём, очень субъективный. Да и формально все нынешние священники была настоящими.

Дальше, до момента посадки в летающий транспорт, в салоне машины, управляемой автопилотом, царила тишина. Потом она же возобновилась, когда Вадим остался один, в одном из пассажирских отделений. Советники удалились в отдельное купе для обсуждения итогов поездки, а он закрыл глаза и подумал о том, что ему предстоит. Жаль, подробностей он не знал.

Столица встречала его утренней прохладой, но, поскольку находилась она в той же климатической зоне, что и область, в которой жил и работал Ожегов, можно было не сомневаться, что к обеду здесь тоже будет жарко. Хорошо ещё, если только в физическом плане. Надо отдать должное Яблокову, он не отпускал Вадима от себя ни на шаг, хотя по нему было видно, что всю ночь они обрабатывали результаты проверки. Ещё бы, у них, может быть, мероприятие и не имеющее важности для всего мира, но это не значит, что им не нужно составить подробный отчёт и ещё и выступить с ним.

У должности советника, даже младшего, в отличие от должности священника, были свои привилегии, но и ответственность при этом была гораздо выше. Взять хотя бы тот факт, что среди угодивших на исправительные работы больше советников, нежели священников, если учитывать отношение к общей численности.

— Сейчас я передам тебя Лисицыну, он позаботится о том, чтобы портной подогнал тебе костюм и вообще, расскажет, что тут к чему. Вон он.

Вадим уже было хотел спросить, кто такой Лисицын. Ему он виделся ещё одним советником, почему-то старым и сварливым. Но перед ним предстал высокий молодой человек, носивший на костюме знаки различия ещё только кандидата в совет. Учитывая возраст, носить ему их предстояло ещё долго.

Первое, чем совет должен был отличаться от всех предыдущих органов управления — жёсткой профессиональной основой. Человек, желавший занять место в совете, помимо опыта в строго определённой сфере, должен был получать опыт руководства, в том числе многочисленными сообществами. Конкретно Лисицын, скорее всего, был кандидатом на пост политического советника. Поэтому он и находился здесь, а не на передовой своей сферы деятельности. Вернее, она, эта передовая, сейчас была здесь.

— Здравствуйте, — Лисицын пожал Ожегову руку, как ему показалось, с уважением и даже трепетом. Ещё бы. Он здесь находится благодаря высшей рекомендации.

— Здравствуй, Миша, — сказал Яблоков, — вот, проводи инструктаж, обувай, одевай, приводи в соответствие. Человек дело своё знает, но поработать надо.

— Да, конечно, мы разберёмся.

— Давайте. А у меня ещё своя работа.

Ожегов представлял, насколько Яблокову жмёт его ворот, а ведь здесь он не мог позволить себе его расстегнуть, так что предстояло ещё долго терпеть. Самому же Вадиму тоже необходимо было сосредоточиться на своей задаче.

— Итак, сначала мы решим вопрос одежды.

— А моя не подходит?

— К сожалению нет. Это официальное мероприятие, и вся форма должна ему соответствовать. Поскольку, как вы знаете, официальной одежды священников у нас нет, мы возьмём обычный костюм без знаков различия. У вас ведь есть ваш символ?

— Да, конечно.

— Он и будет вашим знаком различия. Вы наденете его поверх костюма. Я думаю, это будет самый лучший вариант из всех, что мы можем придумать и реализовать за короткий срок.

— Вообще, наш символ не принято носить открыто, — заметил Вадим.

— Я знаю. Но мы будем считать, что это правило действительно только для обычного времени. Для официальных мероприятий мы сделаем небольшое исключение. Вас должны идентифицировать — в том числе те, кто видит вас впервые.

— Хорошо, — согласился Вадим.

Законы религии, очень мягкие и нигде не записанные, было очень легко обойти, как в этот раз, к примеру. Официальной одежды нет, официальная одежда нужна. Знаков различия нет, знак различия нужен. Всё. Добро пожаловать в мир политики, где священник уже давно чужеродный элемент, а в этот раз зачем-то понадобился.

— Вы не могли бы ввести меня в курс дела? — осторожно поинтересовался Ожегов, когда они с Лисицыным шли по пустому коридору.

— Да, разумеется, только, наверное, будет лучше, если мы сначала дадим заказ на подгонку для вас костюма, а потом отправимся в мой кабинет, и я вам всё расскажу.

— Хорошо.

— Это ни для кого не секрет здесь, так что не думайте, что я что-то пытаюсь скрыть, просто лучше сконцентрируемся на разных делах по очереди.

— Конечно.

Портной, невысокий мужчина с большими руками сделал несколько мерок, после чего сказал, что даже подгонять ничего не будет нужно, и в его распоряжении есть костюм, который отлично подойдёт господину священнику. Говорил он официально, отчего Ожегов даже испытывал неловкость. Она, к слову, как ему казалось, была обоюдной, но удивляться этому не приходилось. Священник для местного портного гость более редкий, нежели первые лица мира.

Брюки и особый френч с застёжкой слева действительно сидели почти идеально. Про себя Вадим даже подумал, что недооценивал хорошо подобранную одежду. Ему бы ещё придать величественность походке и движению, и его, пожалуй, спугали бы с членом совета.

— Символ, — осторожно сказал Лисицын.

— Ах, да.

Для того, чтобы извлечь цепочку, потребовалось расстёгивать френч. Потом её вообще пришлось снять, наглухо застегнуть воротник и надеть поверх. Как сказал бы сам Вадим, так было хуже, чем до этого, но портной согласно покивал, а кандидат в совет и вовсе пришёл в восторг.

— Единственное плохо, что он маленький, — заметил Лисицын.

— Что, на всю грудь надо что ли? — нахмурившись, ответил ему портной.

— Ладно. Заметно и хватит.

— Вот-вот.

— Тогда идёмте, Вадим.

— Конечно, а моя одежда?

— Я всё сложу и заверну, потом заберёте, — сказал портной.

— Хорошо.

Даже на коридоры здания мирового совета, которые сейчас были полупустыми, Ожегов

взирал теперь по-другому. Он как будто бы перестал быть для них чем-то чужеродным. Переоделся и слился воедино с местным контингентом.

Вместе с кандидатом Лисицыным они отправились в дальнее крыло здания, где и вовсе не было никакого убранства, свидетельствовавшего о том, что это главное здание в Новом Мире. Мир, наглотававшийся потрясений, сейчас проповедовал скромность, и она, хоть и в разной мере, но коснулась всех.

Кабинет кандидата действительно был маленьким, и лучше было называть его «кабинетик». Небольшой книжный шкаф, стол, компьютер и окно, закрытое жалюзи.

— Присаживайтесь, — сказал он, учтиво подставляя Вадиму стул, — вы, наверное, ничего не ели с дороги. Хотите чай?

— Да, не отказался бы.

— Ещё у меня есть шоколад и печенье. Будете?

— Не откажусь, спасибо, — ответил Вадим. Он и правда хотел есть, но, как уже верно понял, для организации трапезы сейчас не было времени.

— Да, мне потом нужно не забыть внести вас в список гостей, чтобы вы могли обедать в нашей столовой.

— Было бы хорошо, — улыбнулся Вадим.

Чай Лисицын налил из термоса. Он был в меру горячим и вкусным. Шоколад и печенье пришлись к нему очень хорошо.

— Итак, как вы, наверное, слышали, нас посетил новый инопланетный вид. Очень специфический, и очень неоднозначный.

— Хотелось бы поподробнее.

— Внешне они очень похожи на нас, но существует мнение, что это лишь адаптация. Им так легче с нами взаимодействовать. Хотя, возможно имеют место и другие причины. Но они совершенно не похожи на нас внутренне. Ведущие аналитики, основываясь на анализах их кораблей и прочих атрибутов, заключили, что данный вид более развит, чем мы. Однако построить с ними отношения по стандартной схеме не получится. Они категорически не признают нас. К примеру, отрицают нашу самостоятельность, уверяя, что они наши боги.

— Но это же смешно. Как они могут ими быть?

— Видите ли, — он осторожно улыбнулся, — в общем курсе истории нашего мира есть такой раздел, как религии, который они, как и все остальные разделы, досконально изучили. Если следовать логике, им просто нужно сказать, что да, мы вот жили где-то там, создали вас, влияли на вас, и мы поэтому ваши боги.

— Но мы-то знаем, что это не так.

— Это очень сложный вопрос. Отрицая их существование, мы тут же натываемся на то, что наши предки поклонялись вымышленным идолам, и вся суть их верований противоречила самой себе. В кого они, получается, верили? И что мы оставили от религии в нынешние времена? Не потому ли, что эта вера всё ещё в нас жива?

— Но мы-то ведь знаем, что даже согласно писаниям, ни один из прошлых богов не имел звёздных кораблей и уж точно не жил где-то вдалеке.

— Все эти рассуждения очень сложны в силу того, что рано или поздно надо признать нашу веру заблуждением, противоречащим самому себе.

— Хорошо. Давайте вообще отринем всё. Почему, раз завязать с ними нормальные отношения не получается, мы вообще не можем отказаться от контакта с ними?

— Ну, скажем так, лучше этого не делать.

— Война?

— Нет, как раз-таки наоборот. Войны не будет, но, как бы это сказать, в глазах галактического сообщества мы будем выглядеть нехорошо. Этот вид имеет контакты с несколькими другими, отношения с которыми осложнятся, если мы не будем уверенно контактировать с первыми.

— И все те виды признают в них богов?

— Нет. По крайней мере, нам об этом неизвестно, но все они более развиты, чем мы. Грубо говоря, нам нужно признание на галактической арене, и мы хотели бы его заслужить как можно более простым способом. Высшее руководство считает, что нужно показать, что наша религия, в особенности новая, несколько выше всех прошлых писаний. Их сами, эти писания, можно признать заблуждениями, но до этого нужно отделить от них человеческую веру. Ведь её мы оставили, а писания теперь не больше, чем исторические памятники. Вы можете выстроить подходящую логическую концепцию?

— Я ведь не политик. И не дипломат.

— Видите ли, они разговаривают с нами с позиции силы. Они могут себе это позволить, и если смотреть на ситуацию в целом, то выглядит она, как издевательство. При этом разговоры идут относительно мягко. То есть, они не показывают своё не слишком уважительное отношение. Это многих ставит в тупик, так что будьте осторожны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— И я буду говорить с ними?

— Да. Вам выпала великая честь представлять нас. Ту нашу часть, что имеет отношение к религии.

— Но я могу только всё испортить.

— Вам нужно будет лишь внимательно следить за тем, что говорят все остальные. Придерживайтесь нашей линии, но в то же время имейте, что сказать. Вы должны понять, что нам нужны именно вы, как человек знающий и представляющий, что из себя представляет религия. Вы можете говорить то, что думаете сами, но делать всё нужно очень осторожно. Эти инопланетяне могут вывернуть любое ваше слово так, что вы и сами удивитесь, какой потайной смысл заложили.

— Да уж. Я теперь очень опасаюсь, — честно ответил Ожегов, — а когда состоится эта конференция?

— Уже скоро. Собственно, нам осталось чуть больше часа, и уже нужно будет выдвигаться. Я рассчитывал, что мы долго провозимся с костюмом и не успеем зайти сюда.

— Да уж, — повторил Ожегов, — вы огорошиваете раз за разом.

— Я не хочу принизить уровень мероприятия, которое нам с вами предстоит, но вы, на мой взгляд, чрезмерно волнуетесь. Разве вы не должны стараться успокоиться и сконцентрироваться?

— Я стараюсь.

— Если хотите, можете побыть один. У меня есть кое-какие мелкие поручения, которыми я могу заняться.

— Пожалуй, так будет лучше.

— Что же, — Лисицын одним движением допил оставшийся у него в чашке чай и поднялся, — я найду за вами через полчаса. Нам нужно прибыть пораньше, чтобы обсудить линию переговоров. Хоть вы и оказались в составе делегации благодаря высшей рекомендации, темы божественности планируется избегать. Всё-таки, у нас мир,

основанный на науке.

— Да, я понимаю.

Лисицын залез в верхний ящик стола, подхватил оттуда тонкую папку и вышел из своего кабинета, оставив Ожегова одного. Вадим пребывал в очень противоречивом состоянии. С одной стороны, его сознание говорило ему, что нужно только прислушаться к тому, что говорит его душа, но с другой это были переговоры с инопланетянами, от которых зависело место землян в космическом сообществе. Ожегову, как и многим, казалось, что после перерождения и долгого пути развития их мир достаточно крепок, но, как выяснилось, всё не так. И уж точно никто не мог представить, что потом решающее место займёт религия.

Он сложил руки, опустил голову и закрыл глаза. Медленное дыхание не помогало успокоиться. Он про себя думал, что нужно лишь довериться происходящим событиям и своей душе, а дальше всё получится именно так, как должно быть. Но сердце не сбавляло темп, а душа не успокаивалась. Он ощущал свою ответственность, как тогда, на Газзиане, когда его негласно назначили полковым священником, хотя он, как и все остальные, должен был держать в руках оружие. Но там было проще.

На войне души людей преобразуются, оголяются. Ты сразу видишь, кто что из себя представляет, кто на что годится и от кого чего можно ждать. Там требовалось лишь задать верное направление, и люди, обладающие силой, устремлялись вперёд. Им было нужно не так уж много — частица успокоения. И коль уж они сами приходили за ней к Ожегову, он мог с полной уверенностью сказать, что всё, что нужно, уже есть в их душе. Ему требовалось лишь немного раскрыть их, и не больше. Правда, в конце концов, это не уберегло полк от неповиновения и вооружённого восстания. Долгое время он утешал себя тем, что ничего не смог бы сделать. Недовольство солдат было слишком велико, а ситуация слишком тяжела. Но так ли это всё на самом деле?

Глаза он открыл, когда в коридоре послышались шаги. Тема прошлого, на которую он отвлёкся, не была самой лучшей в сложившейся ситуации, но нужный эффект неожиданно был достигнут. Он решил довериться себе, сказал, что всё сможет. Пожалуй, волнение перед лицом инопланетян не слишком хороший помощник. Если они готовы зацепиться за каждое слово, чтобы повернуть ситуацию так, как выгодно им, то и волнение они смогут использовать. А этого допускать нельзя.

— Вы готовы? — как и ожидал Ожегов, в кабинет вошёл Лисицын. При нём была всё та же папка, и он убрал её в тот же ящик стола, из которого взял.

— Да.

— Отлично. Нас уже ждут.

Они прошли по коридору и вошли в пустой лифт, который начал поднимать их вверх.

— Советник Ванин может показаться грубым, но не обращайтесь на это внимания, — давал советы Лисицын, — он является ярким противником религии, и, как нетрудно догадаться, ему не нравится тот факт, что на переговорах будет присутствовать священник.

— А то, что он не может с этим ничего поделать, злит его ещё больше, — добавил Ожегов.

— На самом деле он всегда такой, прямой и грубоватый. То, что он зол, кажется людям лишь когда они видят его впервые.

— Понимаю.

— Он специалист по контактам с инопланетными формами жизни, но основную линию будет вести старший советник Лилин, как тот, кому лучше всех удалось найти общий язык с

Ганиадданцами.

— Хоть знаю теперь, как их называть.

— Да, я в суматохе и забыл сказать. И ещё на переговорах будет присутствовать старший военный советник Добряков, но его участие в переговорах минимизировано, поскольку он лишь является наблюдателем, приставленным по высшей просьбе. Основной его задачей является оценка военного потенциала наших новых знакомых. Конечно, переговоры в ней не очень помогут, но он изъявил желание участвовать и в них, чтобы иметь полную картину.

— Хорошо.

— Будьте осторожны со всеми ними. Я понимаю, что перед лицом общего оппонента мы должны сплотиться, но в особенности у советника Ванина всегда есть своё мнение.

— Которое он считает самым главным.

— Таков уж его характер.

Но, не оставалось предположить ничего другого, что раз уж советник занимает место в совете, пользы от его деятельности больше, чем вреда.

Ожегов вышел из лифта вслед за Лисицыным. В конце коридора, в котором они оказались, были видны большие двери главного зала для переговоров. Однако сейчас они отправлялись не туда. Их целью был небольшой кабинет, находившийся ближе.

Угадать, кто из присутствовавших там людей, есть кто, не составляло труда. Ванин — невысокий, коренастый, с массивным морщинистым лбом. Все в той или иной степени посмотрели на Ожегова оценивающе, но только в его взгляде Вадиму увиделось негодование.

Советника Добрякова можно было определить по военным знакам различия, ну а высокий и худой Лилин с его живыми глазами не походил на человека, который вообще может быть недоволен целым классом населения мира. Он действительно казался дипломатичным и проницательным, способным найти путь к собеседнику. Он первым протянул Ожегову руку.

— Я вас примерно так и представлял, — сказал он.

— А я думал, что найдётся кто-то постарше, — добавил Ванин, протягивая, тем не менее, руку Вадиму. Ожегов встретился взглядом с Лисицыным и прочёл в его глазах что-то вроде «я же вас предупредил».

И только военный советник Добряков пожал руку Ожегова молча. При этом, пожалуй, смотрел он на него ещё более оценивающе, чем все остальные. Как будто прибыл для того, чтобы наблюдать за ним, а не за инопланетянами. Впрочем, Ожегову уже было не до оценки людей, потому что за него плотно взялся Ванин.

— Послушай меня. Я знаю, почему ты здесь, и примерно представляю, для чего. Только сделай мне одолжение, не говори ничего, если тебя об этом не попросят или если это не будет соответствовать общей нашей линии. Хорошо?

— То есть, вы позвали меня просто для того, чтобы я кивал? Зачем тогда это потребовалось?

Ожегов посмотрел на Лилина. Ему было интересно, что скажет тот. Раз он ведёт основную линию диалога, то он и должен был сейчас вести обсуждение с вновь приглашённым делегатом.

— Отчасти из-за того, что в переговорах об их божественности ваше слово будет весомее нашего, — ответил Лилин, — мы пробовали несколько линий, согласно которым

смогли бы доказать им собственную самостоятельность. Но даже в самом удачном стечении обстоятельств всё упиралось в то, что они не признают наше мнение.

— Почему тогда вы решили, что они послушают меня?

— Во-первых, вы священник. Во-вторых, свежий взгляд на происходящее. Именно поэтому мы стараемся не слишком сильно готовить вас. Вы всё равно наш последний шанс, а глупо использовать его на то, чтобы сделать что-то, что уже не принесло результата.

— Только не вздумай ввязаться с ними в спор, — добавил Ванин, — они тебя заклюют, и даже мы не сможем ничем помочь.

— Я постараюсь, но, признаться, я не представляю, чем моё появление может изменить ситуацию.

— Беда в том, что нас не устроит «постараюсь», — сказал Ванин, — ты должен сделать даже не всё, а что способен, а больше этого.

— Не думаю, что давление — хорошая идея, — вступил в разговор Лисицын, — при всём моём уважении.

— Я просто хочу, чтобы он представлял себе ситуацию, а не думал, что это очередной его знакомый, который захотел вместе помолиться.

Ожегов никак не отреагировал на эту фразу, памятуя о том, что советник только кажется грубым. Правда, даже если всё это лишь внешние черты его поведения, могло показаться странным, как его назначили в команду, которая ведёт важные переговоры, где всё зависит не только от слов, но даже от интонаций, с которыми они будут сказаны.

Всё то время, пока Ванин пытался навязать Ожегову линию поведения, которую считал правильной, советник добряков стоял около окна, и оценивающе смотрел на них. Он отмечал все слова, манеры, как будто они были теми самыми инопланетянами, за которыми ему нужно было следить.

— Вы ведь помните основные принципы религии, — сказал Лилин, — если вас спросят о них, расскажите. Постарайтесь вывести разговор так, что они не могут быть нашими богами.

— Это и есть концепция? — спросил Ожегов.

— Да, — ответил Ванин, — они должны быть с нами на равных, и мы должны нормально войти в галактическое сообщество.

— Хорошо, только мне непонятен один момент. Представьте себя на их месте. Кто-то, кого вы считаете ниже себя, пытается что-то вам доказать. Вы бы поверили ему на слово?

— Если ты имеешь что-то, что подтвердит твои слова насчёт твоей религии, то ты можешь взять время и притащить это сюда.

Это выглядело грубостью даже на фоне общего отрицательного настроения Ванина.

— Нет, конечно же. У меня ничего подобного нет.

От этого разговора у Ожегова осталось сугубо негативное впечатление. Однако это никак не повлияло на его готовность. Он даже решил, что с инопланетянами будет в чём-то проще. Если уж они хотят показать свою божественную сущность, то они как минимум не должны относиться к священнику предвзято и заранее сомневаться вообще в необходимости его присутствия. А раз так, то они не будут на него напирать. Да, их сложно переспорить, и они смотрят на Землян свысока, но в целом они всё равно казались Ожегову более уважительными, чем некоторые из людей. К тому же, столько уже было разговоров о предстоящем мероприятии, что он уже устал от них, желая перейти к самому мероприятию.

Глава четвёртая

Синтез души

Ганиадданцы не просто были очень похожи на людей. Если бы перед человеком без предупреждения предстал ганиадданец, он признал бы в нём соплеменника. Проще было сказать, чем они отличались. В первую очередь манерой движения, которая казалась немного неестественной, и таким же неестественным взглядом. Но всё это не бросалось в глаза, а замечалось при наблюдении в течение нескольких минут, а с самого начала можно было принять их за людей. На них были свободные одежды, чем-то напоминавшие туники из древних времён. Лично Ожегову это показалось отсылкой к их божественной сущности, хоть и не слишком умелой. Не все элементы истории человечества непосредственно были связаны с религией. Далеко не все.

Трое ганиадданцев расположились напротив пятерых землян и мягко, почти синхронно кивнули в знак приветствия.

— Сначала хотелось бы представить вам вновь присутствующих господ, — начал Лилин, — это господин Лисицын, кандидат в совет, а это господин Ожегов.

— У господина Ожегова необычный знак. Мы не видели такого прежде, — сразу же, прервав процедуру знакомства, начал инопланетянин, сидевший в центре.

— Верно, — неловко продолжил Лилин, — господин Ожегов священник. Специалист по религии.

— Если он действительный специалист, то он в первую очередь не должен соглашаться с таким званием. Верно, господин Ожегов?

— Да, — подтвердил Вадим, — наше дело не отрасль, в которой можно быть специалистом. Но я по-прежнему не знаю, как называть вас.

— Я господин Саник, а это господин Мосн, — сначала центральный инопланетянин указал на того своего соплеменника, что сидел справа от него, а потом на того, что слева, — и господин Хоз.

— Очень приятно.

— Скажите, господин Ожегов, — вы, как священник, наверное, прибыли сюда подтвердить неправоту ваших соплеменников в том отношении, что они не хотят признавать нас вашими богами.

— Нет, — честно и прямо ответил Вадим, — я прибыл сюда, чтобы поговорить об этом с вами.

— То есть, вы нас не признаёте?

— Сожалею, но у нас нет никаких доказательств. К тому же, наш мир уже однажды имел некоторые события, в результате которых все боги, существовавшие ранее, были признаны несуществующими.

— Это очень интересный момент истории, — Саник улыбнулся ещё неестественнее, чем говорил, — но вы ведь знаете, что существовало мнение, согласно которому тот период был признан началом заката вашей цивилизации.

— Да. Такое мнение имело место, но оно не являлось подавляющим и до сих пор не получило подтверждения. С момента перерождения наша цивилизация неуклонно движется вверх.

— Вы опасаетесь, что обретение бога заставит вас вернуться в прошлое, когда религии

были, как вы говорите, не достаточно продуктивны?

— Я не считаю, что мы обрели бога с вашим появлением. И не считаю, что нам вообще нужно его обрести, — честно ответил Ожегов.

Он бросил короткий взгляд на Ванина, сидевшего напротив. На лице того выражалось недовольство, перемешанное с удивлением. Если бы не такт, который он должен был соблюдать в присутствии другой стороны, то сейчас Вадим получил бы изрядную порцию его «обычного поведения».

— Значит, вся ваша цивилизация заблуждалась на протяжении всей своей истории. Заблуждается она и сейчас, пока религия существует. Я верно вас понимаю?

— Нет. Мы заблуждались, но заблуждение это исправлено.

— И во что же вы верите сейчас?

— Это сложно сформулировать и сложно связать с богами в том отношении, в котором вы узнали о них из курса нашей истории.

— Вы хотите сказать, что мы не способны понять что-то, что под силу понять человеку?

— Нет. Но вы не можете отрицать, что вы знаете о нашей цивилизации лишь то, что почерпнули из общих исторических данных.

— Вы сейчас хотите вывести к тому, что раз мы не создавали вас напрямую, то мы не можем являться вашими богами?

— Значит, вы всё-таки не создавали нас?

— Почему же, — Саник всё так же неестественно улыбнулся. Наша цивилизация очень древняя. Наши путешественники совершали походы в самые разнообразные уголки космоса. Как знать, куда они заронили частицу жизни, и насколько умышленно это было. Вы не можете отрицать колоссального сходства между нами и вами. Вы созданы по нашему образу и подобию, потому что ваша цивилизация младше. Вы ведь этого не отрицаете.

— Не отрицаем. Но даже при таком стечении обстоятельств мы скорее братья, хоть и дальние, — смело заметил Ожегов.

— Младшие. И младшие должны подчиняться старшим.

— Мы уже совершеннолетние, — снова возразил Вадим, — мы выходим в космос, или какой критерий считается основным? Межзвёздные путешествия? Так мы и их уже совершаем.

— Это совершенно ничего не значит. Мы можем создать точно таких же людей, и они смогут точно то же самое. Наши технологии это позволяют.

— Позволю себе не согласиться, — возразил Ожегов, — мы немного ушли от темы, к чему, в конечном счёте, свелась наша религия. У нас нет бога-идола. Все они были упразднены, но у нас осталась душа. Если хотите, её можно называть частицей бога в нас. Именно в неё мы верим, и именно её невозможно воспроизвести при помощи технологий. А что до тела, то мы тоже делаем ткани.

— Господин Ожегов допустил небольшую ошибку, — постарался вступить в разговор Лилин, — мы не способны воспроизвести целого человека из-за сложностей создания нервной ткани. Как говорят некоторые люди, подобные господину Ожегову, это от того, что невозможно воспроизвести человеческую душу.

— Это чушь, — снова неестественно и на этот раз шире, чем требовалось, улыбнулся Саник, — мы можем создать человека, полностью соответствующего любому из вас, и он будет способен на то же самое, на что способен оригинал.

— Я сомневаюсь в этом. Нельзя создать точно такого же, — возразил Ожегов.

— Мы утомились от бесконечных переговоров, ходящих по одним и тем же следам. Давайте расставим всё по местам. Мы создаём человека — любого, какого вы скажете, и если он будет полностью соответствовать оригиналу, вы признаёте, что мы — ваши создатели.

— Мы не можем принять такое решение, — впервые подал голос Ванин, до этого, казалось, заклёбывавшийся негодованием, но всё равно молчавший.

— А кто может? — спросил Саник.

— Боюсь, мы не можем проводить подобные эксперименты, — сказал Лилин.

— Что же. Тогда мы вынуждены будем покинуть ваше пространство и ограничить вас уже имеющимися у вас территориями в тех местах, где они примыкают к освоенным другими. Земляне не готовы к тому, чтобы вступить в сообщество.

— Мы дадим согласие или несогласие через три часа, — сказал Лилин с оттенком обречённости. Смотрел он при этом на Ожегова.

— Мы будем ожидать.

После этого, без каких-либо слов все трое инопланетян синхронно поднялись и вышли.

— Какого чёрта это было, Ожегов?! — тут же обрушился на Вадима советник Ванин, нависнув над столом, разделявшим их.

— Переговоры, — ответил священник.

— Да тебя за это убить мало.

— Разве? — Ожегов поднялся, — а почему вы молчали? Почему не сказали своего слова? Почему вы вообще меня сюда пригласили? Вам здесь не священник нужен, а кто-то другой.

Ожегов говорил спокойно, но это всё равно чуть не взорвало Ванина.

— Что он себе позволяет?!

— Хватит!

Лилин впервые за сегодня подвысил голос. Вся его мягкость улетучилась, и это был совершенно другой человек. Ожегов решил, что и правда позволил себе лишнего. В первую очередь, не нужно было выходить из себя, но теперь оставалось радоваться, что у Ванина на костюме было на одну полоску меньше, и он не доберётся до Ожегова, если Лилин решит его защитить.

— Сначала сядьте оба и успокойтесь.

Ожегов выполнил это указание сразу, а Ванин ещё недовольно фыркнул.

— Мы пригласили господина Ожегова за новым взглядом и новым поворотом в диалоге, и мы его получили. Это, как мы теперь знаем, в любом случае были бы последние переговоры. Либо они улетают, и мы получаем статус изгоев, либо мы соглашаемся и становимся кем-то вроде послушных домашних животных. У нас есть третий вариант. Мы ещё можем победить.

— Победить? Не смешите меня! Они сделают работа с настоящими мозгами, и он будет рассказывать вам анекдоты, а вы будете смеяться, — сказал Ванин.

— У них не получится, — заметил Ожегов.

— Откуда у вас такая уверенность? — спросил Лилин, — вы знаете про их продвинутые биотехнологии? Мы, к примеру, выращиваем людей в инкубаторе, если по каким-то причинам матери не могут их выносить.

— Но при этом у них есть матери, — заметил Ожегов, — и отцы. Так что с точки зрения методов, всё соблюдается. Ещё никто не создал жизнь из синтетики. Она всё равно идёт от

нас и всегда будет идти. Если вы согласитесь на этот эксперимент, вы в этом убедитесь. Человек — не тело. И даже если можно заставить его мозг функционировать, это не значит, что он обретёт душу.

— Вы специалист по религии или по прогрессивным экспериментам? Которые даже не проводились, — сказал Ванин.

— Если хотите — считайте это моей верой.

— Верой? Тогда, может быть, сразу стоит признать в этих гражданах богов и начать уже подчиняться им? Представим себя счастливыми прихожанами, которым вместо распятия явили настоящего господа. А? — усмехнулся Ванин.

— Если я правильно понимаю, — сказал Ожегов, обращаясь к Лилину, — мы ничего не теряем, соглашаясь на эксперимент. Верно?

— Это в случае, если он решится в нашу пользу. А если в их? — он посмотрел на Вадима, — как вы думаете, сможем мы отказаться, имея вещественное доказательство своей вторичности?

— А отказываясь от эксперимента вообще, мы эту самую вторичность не подтверждаем? — спросил Ожегов.

— По крайней мере, у них нет ничего вещественного, что смогло бы её подтвердить.

После этого в зале повисла тишина. Ожегов согласился бы на эксперимент, но сейчас, выслушав контраргументы, он начал опасаться. Хотя, если смотреть вглубь души, он был убеждён в своей правоте.

— Ладно, — сказал, наконец, Лилин, — господин Лисицын, устройте господина Ожегова на ночлег, он пока совершенно точно остаётся. А мы пока подумаем, как быть дальше.

— Вы согласитесь? — спросил Вадим.

— То, что мы, здесь присутствующие, не можем в одиночку принимать такое решение, не просто слова. Это будет решать совет. Без вас, увы.

— К счастью, — добавил Ванин.

Оказавшись в небольшой комнатке, выделенной ему для проживания, Вадим первым делом расстегнул неудобный воротник, который ещё и сильно натёр ему шею. Потом он убрал символ под одежду и подошёл к окну. Гостиница находилась рядом со зданием верховного совета. Оно осталось всё таким же величественным и монументальным, но теперь при взгляде на него Вадима распирали гнев. Сначала его позвали сюда, сказали вести себя чуть ли не свободно, а теперь он ещё и виноват в том, что вышло так, как вышло.

И вообще, всё произошедшее напоминало издевательства на всех уровнях. Инопланетяне издевались над относительно плохо развитыми землянами, а власть имущие земляне издевались над ним. Он совершенно не ощутил того, что имел дело с представителями другой космической нации. Слишком уж мало отличительных черт, основной из которых является, пожалуй, их неестественное поведение. Но с другой стороны, не стоило устраивать всё это только лишь для того, чтобы разыграть одного человека. Нет, всё это происходит по-настоящему, вот только какой смысл?

Вадим снял с себя форму, аккуратно повесил её на спинку стула, потом переоделся в свою одежду и направился обедать. Вернувшись, он разделся и улёгся на кровать. Спать ему совершенно не хотелось. Наверное, будь он менее взвинчен, ему было бы интересно прогуляться по столице, посмотреть, как здесь устроена жизнь. Он ведь никогда здесь не был, а этот город видел только на экране телевизора. Но он сейчас был не в настроении

гулять, тем более, что снаружи стояла адская жара. Здесь всё было ещё хуже из-за избытка асфальта, бетона и прочих материалов, способных накапливать тепло в больших количествах. Ну а в небольшой комнатухе системы поддержания температуры отлично справлялись со своей работой.

Он перевернулся на спину, заложил руки за голову и ещё раз задумался над тем разговором, который был у них с инопланетянином. Вся смехотворность ситуации основывалась на двойных стандартах. Ганиадданцы вели себя смелее и не стеснялись говорить с землянами, смотря на них свысока. И, в отличие от землян, они напрямую могли заявить, что чего-то не признают и не признавать этого. Ну а уж толкование земной истории в свою пользу было на каждом шагу. Таковы прошлые религии. Не несущие ничего плохого сами по себе, из-за вольных трактовок они всегда становились причинами потрясений, часто — очень кровавых.

За размышлениями Вадим не заметил, как заснул. Ночью он спал плохо, рано встал, а потом всё время был на ногах. Да и вообще, привычный режим был нарушен. К тому же, нельзя было точно сказать, что ждёт впереди. У землян на раздумье оставалось три часа. Три часа передышки, после которых вновь начнутся события, которые могут иметь судьбоносный исход не только для тех, кто в них участвует, но и для человечества в целом.

Разбудил Ожегова осторожный стук в дверь. Он поднялся с кровати, быстро надел штаны и накинул френч. За окном уже было темно. На пороге стоял Добряков, всё с таким же невозмутимым выражением лица. Он окинул священника взглядом, пока Ожегов стоял и молчал, потому что не ожидал его увидеть.

— Вы разрешите войти? — наконец, спросил советник.

— Да, конечно, — ответил Вадим, отходя в сторону и открывая перед гостем дверь.

— Мы не слишком дружелюбно встретили вас, да? — Добряков подошёл к окну и посмотрел на улицу, освещаемую фонарями.

— Что уж поделать, — ответил Ожегов, поправляя волосы перед зеркалом, — не думаю, что в стенах совета когда-нибудь бывал священник, да ещё такой неподготовленный к высшим мероприятиям, как я.

— Ошибаетесь. Должен заметить, что ваше выступление произвело на меня впечатление. И не только на меня. Что касается подготовки, то да, её не хватило совсем немного, но большую роль сыграло то, что все мы придерживались примерно одинаковой линии, а вы мыслите иначе. И в силу своего общественного положения и в силу вашей, так сказать, неосновной профессии. Они были готовы к нашим аргументам, но не к вашим.

— Спасибо. Вы пришли только для того, чтобы сказать мне это? — спросил Ожегов, застёгивая френч, — могли бы тогда просто позвонить.

— Нет. Совсем не для этого. Я пришёл, чтобы сказать вам, что решение принято. Ганиадданцы изготовят одного человека полностью синтетическими методами в соответствии с одним лишь его образцом ДНК.

— И что потом?

— Мы посмотрим, чьи утверждения верны. Ваши, то есть наши, или их. А дальше будем поступать в соответствии с результатом.

— А если они вдруг окажутся правы?

— Вы допускаете подобный исход? — впервые за всё время разговора он обернулся к Ожегову, — я думал, ваша вера сильна.

— Это не относится к моей вере. Я глубоко убеждён, что тот человек, который будет

ими создан, не будет человеком в полной мере. Вопрос лишь в том, сможем ли мы это доказать.

— Сможем. Думаю, если вы всё-таки правы, это будет несложно.

— Как именно?

— Пока не знаю точно.

В отражении от стекла Вадим увидел, как Добряков легко улыбается. Это тоже казалось неестественным, чем он напомнил ему одного из Ганиадданцев. Если бы в совет не было очень сложно попасть, он мог бы подумать, что инопланетяне внедрили туда своего агента. Вряд ли, если не рассматривать вариант, что они выкрали настоящего Добрякова, а на его место поставили того, которого создали сами.

— Но вы ведь пришли сюда не для того, чтобы просто всё это мне рассказать.

— Нет. Вы сами начали собираться, поэтому моя просьба не потребовалось. Мы с вами сейчас направимся в центральный госпиталь, где вы встретитесь с одним человеком. По его воле вы оказались здесь, и он, слышав ваш разговор ганиадданцами, сказал, что вы оправдали его надежды. И, как вы понимаете, по его воле мы вообще согласились на тот эксперимент.

— И кто этот человек? — спросил Ожегов, хотя уже знал ответ.

— Генерал Ланов. Вам, разве, никто не сказал, о том, что ваше присутствие здесь было его волей? — Добряков обернулся к Ожегову и посмотрел ему в глаза.

— Кажется, кто-то упоминал. Я решил уточнить.

— Хорошо. Мы уточнили. И, раз вы уже собрались, то можем выдвигаться.

— Конечно.

Пожалуй, от предвкушения встречи с лидером мирового перерождения Ожегов волновался ещё больше. Он не видел его очень давно даже по телевизору. Престарелый генерал уже давно отошёл от дел, но, как оказалось, его совета всё ещё спрашивали, когда судьба мира становилась сложной. Вадим не знал, как себя вести и что говорить. Успокоившись, он решил, что раз не он организовал эту встречу, то и инициативы лучше ждать от других. Похоже, что старый лидер человеческого сообщества даже лучшего мнения об Ожегове, чем он сам, так что не стоит сходу его в этом разубеждать.

— Вы не хотели бы снова надеть ваш символ поверх воротника? — предложил Добряков, — раз уж было решено, что это будет официальный знак различия священника, то нужно его показывать.

— Хорошо.

Ожегов расстегнул воротник и выполнил просьбу советника. Несмотря на то, что в машине, на которой они ехали, было прохладно, с открытой шеей ему стало гораздо комфортнее и даже казалось, что форма намеренно предполагает излишнюю строгость, являясь выражением нового мирового порядка.

— Вы слишком напряжены. Уверяю вас, господин Ланов очень доброжелательный человек. И если он захотел увидеть вас, это не значит, что вас ждёт что-то серьёзное.

— Я понимаю, но всё-таки. Я ведь представляю, кто он такой. Любой, наверное, волновался бы на моём месте.

— Главное, расслабьтесь. Напряжение ещё никому никогда не помогало.

Тем не менее, войдя внутрь палаты, где находился Ланов, Ожегов сильно взволновался. В основном потому, что не ожидал увидеть там столько людей. В полумрачном освещении собравшиеся советники выглядели каменными изваяниями, вставшими вокруг умирающего.

Да, здоровье генерала было уже не таким, как даже пять лет назад, но он не находился при смерти. Тем не менее, ощущение чего-то важного и тяжёлого висело в воздухе, освежаемом вентиляторами климатических систем.

Те, кто находился внутри, обернулись на вошедших, взгляды сосредоточились на Ожегове. Из присутствовавших шести человек, он знал только Лилина и Ванина. Оба смотрели на него в обычной манере. Первый мягко, но с ожиданием, а второй с негодованием, как на источник всех бед.

— Это он? — раздался слабый голос, который можно было услышать только потому, что в больничной палате царила тишина, — расступитесь, дайте ему пройти.

Все изваяния, как будто подчиняясь магии, разошлись в стороны, открыв Ожегову путь к кровати, на которой лежал худой и дряхлый старик. Да, совершенно определённо, это не то состояние, в котором стоило представлять бывшему великому лидеру, остающемуся легендой, но по-другому было никак.

Ожегов осторожно прошёл по освобождённому для него коридору, и встал у изголовья кровати. Щёки Ланова ввалились, седые волосы были редкими и слабыми, всё лицо и лоб покрывали морщины. Если бы не его глаза, хоть и обесцветившиеся, но всё ещё не утеревшие искру, его нельзя было бы узнать вовсе. Именно она, эта искра, который раз заставляла сильных мира сего приходить к нему за советом и выглядеть при этом как беспомощные глупцы, хотя таковыми они, конечно же, не являлись.

Ланов подвинул рычажок на боковине кровати, и верхняя её половина поднялась, приводя пациента в сидячее положение. Как будто бы раньше из-за слишком большого расстояния он не видел Вадима, а сейчас сумел его разглядеть, поэтому легко улыбнулся. Его зубы в противовес всему остальному выглядели так, будто бы ему двадцать лет. Первая часть тела, которую человечество научилось легко и качественно протезировать. Так, чтобы она была даже лучше оригинала. Для бывшего лидера могли бы сделать и больше, даже несмотря на возраст, но, раз он пребывает в таком плачевном состоянии, не всё так просто.

— Ну здравствуй, Вадим, — сказал Ланов.

— Здравствуйте, — легко склонив голову, сказал священник.

— Истории повторяются. Всегда-всегда повторяются. Мы боролись с богами, хотели сделать так, чтобы они служили нам. У нас даже получилось, но потом они нагрянули оттуда, откуда мы их не ждали. Из глубины космоса.

Он кашлянул, и ближайший незнакомец, стоявший по другую сторону от кровати потянулся к какому-то аппарату, на котором Ожегов разглядел кислородную маску, но Ланов остановил его жестом руки.

— Я в порядке, хоть это и не видно.

В этих словах, несмотря на то, что голос Ланова был слаб, слышались чёткие командирские нотки, которым хотелось следовать даже Ожегову, не являвшемуся прямым подчинённым генерала и никогда его не знавшему.

— Когда-то давно умирающий хотел видеть возле себя священника. Я сам не застал этих времён, но слышал. Хоть я и был сторонником оставления религии, никогда не думал, что однажды захочу видеть священника около своей кровати. Истории, — он легко кашлянул, — повторяются.

Ожегов хоть и не ощущал напряжения, которое можно было бы ожидать, всё равно стоял, как остолбенелый, не зная даже, что сказать. Но ничего говорить и не требовалось. Не он был инициатором этой встречи, и от него лишь требовалось присутствовать.

— Дай свои руки.

Генерал немного откинул одеяло, чтобы ему удобнее было взять ладони Ожегова. Он был в больничной пижаме. Кожа на его руках была бледна и выглядела почти безжизненно. Суставы пальцев казались огромными узлами на тонких прутах пальцев, а кисти выглядели громадными на фоне тонких предплечий, немного выглядывавших из-под рукавов. Он взял Вадима за руки и ощупал его ладони.

— Вот эта ненастоящая, — он сильнее надавил на правую, — но твёрже. Она подходит тебе лучше, не так ли?

— Я бы не отказался и от своей.

— Как думаешь, смогли бы те инопланетяне сделать тебе твою новую руку целиком?

— Думаю да. Мы сами можем это сделать.

— А как думаешь, удастся их эксперимент? Сделать одного из нас целиком.

— Нет. Даже если внешне это будет выглядеть хорошо, на деле этот человек не сможет считаться настоящим.

— Да? А я уж и не знаю, чему бы я обрадовался больше, — он немного закашлялся и отпустил руки Вадима, а потом сам взял кислородную маску и сделал несколько вдохов.

— Почему? — осторожно спросил Ожегов.

— Все здесь присутствующие просят моего согласия. Не на сам эксперимент, а на то, кто станет его объектом.

Слегка ошеломлённый Ожегов поднял глаза на Лилина и Добрякова, стоявших рядом.

— В одном ты точно прав. Если мы попросим сделать обычного человека, примерного среднего представителя нашего общества, у них получится нечто, что будет выглядеть подобающе. Нам нужен некто, кому непросто будет соответствовать по умолчанию, и чьё несоответствие легко будет определить. Ты понимаешь меня?

— Да.

— Я не совсем согласен, но все эти люди пришли сюда сами. Они просят меня. Я не уверен, что этому миру нужен второй я. Но я не могу не признать, что будь я сейчас так же молод, как и ты, я бы многое смог изменить к лучшему. Я многое мог бы сделать. Я хотел спросить тебя.

— Нет, вы не можете. Не можете меня спрашивать. Я не имею права давать вам советы по этому поводу.

Ланов снова посмотрел ему в глаза и сжал губы.

— Оставьте меня с господином священником наедине.

Никто не возразил ни слова. Все только переглянулись, ещё раз посмотрели на Ожегова и вышли.

— Возьми в углу стул и присядь рядом. Хочу быть с тобой наравне, но стоять мне тяжело, и врачи бы это не одобрили.

Вадим быстро отыскал стул, о котором говорил генерал, и выполнил его просьбу.

— Послушай меня. Я очень долго не хотел умирать. Видишь, до чего я дошёл? Все вы говорите, что тело слабо, а душа бессмертна. Врачи сбились с ног, пытаюсь наладить моё здоровье. На мне уже испробовали два сердца, выращенных специально для меня, по моему образцу. Моё тело отторгает их. Они пробовали полностью искусственное, и оно тоже не пришлось в пору. Я не скажу, что когда-либо был верующим. Напротив, я оставлял религию не для себя, а для других, веря, что она нужна людям. Но сейчас я чувствую усталость. И эта усталость не имеет отношения к телу. Это моя душа уже не хочет ничего. Она заставила меня

поверить в то, что это — не просто вымысел.

Он протянул свои узловатые пальцы и приподнял на них символ, висевший на шее Ожегова.

— Дело ведь не только в оболочке. Да?

— Если я скажу «да», вы откажете им в эксперименте?

— Скажи мне всё, как есть. Сам я не буду ругать тебя, а за дверью никто не узнает. Пожалуйста, помоги. Не мне, но хотя бы всем остальным.

— Вы нужны им, и именно поэтому они до сих пор приходят к вам за советом. И именно поэтому они хотят, чтобы вы снова были с ними. А если эксперимент не удастся, то это будет легко подтвердить. Вы сами сможете сделать это.

— Почему бы им просто не отпустить меня? Я ведь не бог, чтобы цепляться за меня. И мучить, мучить, мучить. Я уже не тот. Мой мозг, пожалуй, в самом хорошем состоянии из всего, что от меня осталось, но и он знал времена получше.

— Вы не можете спрашивать меня. Я не могу давать вам совет, — ответил Ожегов, — вы сами вольны принимать это решение.

— Я так долго принимал решения. Я и сейчас могу. Но я хочу, чтобы это сделал кто-то другой. Просто потому что хочу. Я не хочу оставлять этот мир так. Так, как будто бы кроме меня здесь никто ничего не может.

Его голос стал громче. Если бы не его слабость, он, наверное, сейчас бы закричал на Ожегова. Вадим пребывал в очень тяжёлом положении. Он за свою жизнь помог многим людям, но здесь, перед этими выцветшими глазами, через которые на него, казалось, смотрел весь мир, он оробел и потерялся в собственных мыслях.

— Тогда вы должны дать согласие, — сказал он, как ему казалось, самое уместное, — вы ведь этого хотите? Дайте этому миру ещё одного себя, помогите ему.

— Ты ведь не это хотел сказать.

— Вы ставите меня в неловкое положение. Я искренне считаю, что этот эксперимент обречён на провал. Но вы сейчас хотите, чтобы я сказал, будто бы они смогут создать человеческую душу. Больше того, чтобы я закрыл глаза на то, что она точно не будет вашей. Будто бы душу можно скопировать и воспроизвести. Нет. Я никогда не соглашусь. Я знаю, что эксперимент провалится. Вы не зря хотите согласиться, потому что так результаты будет проще оценить. Вы сами сможете это сделать.

— И всё же ты успокоил меня. Спасибо. Наверно, не зря мы оставили вас.

— Не зря. У вас тоже есть душа, и, как и любой другой, ей требуется помощь, хотя бы раз в жизни.

Ожегов встал и поставил стул на место.

— Но если мы неправы, и нас действительно можно сделать на коленке? Что тогда?

— Тут вопрос не в том, правы мы или нет. Тут вопрос в вас. Хотите ли вы, чтобы у них получилось, или нет.

С этими словами Ожегов попрощался, легко поклонился и вышел. Он ждал, что Ланое остановит его, но генерал молчал. Способный выстроить целый мир, при этом достаточно развитый и самодостаточный, он споткнулся в том, что касалось его собственной души.

Подумав об этом, Вадим тоже ощутил слабость. А что, если его линия — всего лишь защита от тех же самых вопросов? Он просто так отрицает возможный успех инопланетян, лишь бы не задавать себе другие вопросы, которые неизбежно последовали бы. И как он после этого сможет осуждать кого-то за неспособность разобраться в себе, если сам он

побоялся даже ступить на этот путь?

Добряков сказал ему ждать внизу. Спустившись в холл, где почти не было людей, Ожегов поспешил выйти на улицу и вдохнуть свежего воздуха. По объективным причинам всё происходило ночью — чтобы толпа советников не ходила по общественному госпиталю, как бы намекая, что что-то очень не в порядке. И Ожегов был рад этим причинам, потому что благодаря им ему сейчас не пришлось прятаться от палящего Солнца в машину.

Вскоре появился и Добряков и попросил садиться. С мрачным видом расположившись на сидении рядом с Ожеговым, он отдал транспорту команду на движение. Машина тронулась и взяла нужный курс, а он всё равно молчал. Для него это было обычным состоянием, учитывая, что в присутствии третьих лиц Вадим вообще не слышал от него ни одного слова. Но сейчас Ожегову казалось, что он молчит нарочно, желая поиздеваться.

— Каково решение? — не выдержав, спросил священник.

— Оно уже было принято. Мы хотели лишь его согласия. Он не давал его. Не знаю уж, что именно вы ему там сказали, но он своё решение изменил.

— Такой человек не нуждается ни в чьих советах. Если он принял это решение, он принял его до меня.

— Зачем тогда понадобились вы?

— Всем в тот или иной момент требуется священник.

— Понимаю. Вы не хотите говорить о том, что он сказал. Это ваше право.

— Скажем так, это нехорошо.

— Я понимаю и поэтому не настаиваю. Если бы он захотел, то сам бы рассказал нам.

В салоне снова ненадолго воцарилось молчание. Ожегов загляделся на вереницы фонарей и машин. Несмотря на поздний час, в центре столицы было оживлённо.

— Так каковы дальнейшие действия? — спросил Вадим, — я отправляюсь домой?

— Нет. Я тоже думал, что ваша миссия исполнена, но генерал настаивает, чтобы вы остались.

— И надолго?

— Если вы волнуетесь из-за работы, то можете не переживать. С вашим руководством вопрос улажен ещё господином Яблоковым. Но всё равно сроки небольшие. Утром генерала ждёт обследование совместно с ганиадданцами, а к вечеру мы уже будем иметь нужную копию. Так что можете отдохнуть примерно сутки, а потом я явлюсь к вам.

— Даже не знаю, чем заняться.

— Я могу организовать для вас несколько экскурсий, но рекомендовал бы вам просто отдохнуть. После завтрашнего дня я не могу сказать, сколько времени продлится наше бодрствование. Так или иначе, нас ждут события, к которым нужно подготовиться.

— Вы правы. Я так и сделаю.

Когда они ещё ехали, Ожегову немного хотелось спать. Он думал, что стоит ему сейчас лечь в кровать, как он тут же уснёт, но на деле всё оказалось не так просто. Он не занимался интенсивной деятельностью, как привык, поэтому у него не было сильной усталости, отчего, оказавшись в кровати, он сначала смотрел в потолок, потом ворочался, а уснул уже в первых предрассветных лучах. Проснулся рано и направился завтракать.

Мысли не оставляли его. Напротив, в душе зрело противоречие. Мир казался ему совершенно таким же, как и всегда, и это несмотря на то, что сейчас в нём назревал сильнейший катаклизм. Пожалуй, самый выдающийся человек эпохи будет сегодня воспроизведён совершенно новыми методами. Что будет дальше? Как это повлияет на

дальнейшую историю? Ожегову хотелось видеть, что это имеет значение для всех и каждого, как это имеет значение для него, но мир вокруг как будто бы оставался безучастным. Всё те же люди, с разными делами и поручениями прибывшие в столицу. Поручения эти важны, раз уж их расположили в гостинице рядом с верховным советом, но что может быть важнее этой противоречивой сделки с ганиадданцами?

Попив чая, Ожегов снова поднялся к себе. Отдыхать не хотелось, но лишь на уровне души. Тело же, режим которого был сбит, в скором времени не отказалось от дрёмы. Он заставлял себя спать и отдыхать, всерьёз предполагая, что уже этой ночью ему понадобятся все его силы. В первую очередь, духовные. Даже сейчас он сдерживался, чтобы ни на секунду не усомниться в том, что прав.

Глава пятая

В ожидании второго перерождения

Кровать, телевизор и еда — самый скучный отдых, который только мог помыслить Ожегов. Один раз он даже выходил на улицу, чтобы прогуляться, но не уходил далеко, потому что никаких способов связи с членами совета у него не было. Они должны были прийти за ним. Было бы обидно, если бы они не застали его на месте. Во второй половине дня, когда Ожегов устал отдыхать и от этой усталости задремал на кровати, в его дверь постучали.

Он подскочил, как будто бы и не спал вовсе, попросив минуточку, быстро надел костюм и только после этого открыл. В коридоре стоял Добряков, который имел вид ещё более мрачный, чем раньше, что наводило на мысль, что эксперимент пока что проходит успешно. Раскрыв дверь, Ожегов впустил гостя.

— Рассказывайте, — сказал он, повернувшись к зеркалу, чтобы привести себя в порядок.

— Ничего хорошего я вам не скажу, — советник, как и в прошлый раз прошёлся вдоль комнаты и остановился около окна, — они превзошли мои ожидания. Как, впрочем, ожидания всех.

— И это настоящий Ланов? — Ожегов, поправлявший до этого воротник, оставил это занятие и повернулся к собеседнику.

— Ну, если не знать о настоящем генерале и в каком он состоянии, то да. Решено было воспроизвести его в лучшие годы. Ему где-то пятьдесят, и это значит, нас ждёт минимум полвека свершений.

— Но он не может быть настоящим.

— За ним установлено постоянное наблюдение. Сам он не знает, что он ненастоящий, не знает о существовании своего прототипа. В целом, к нему относятся так, как к настоящему генералу. Больше того, самые низшие чины считают, что это и есть настоящий Ланов. Им сказали, что учёным удалось излечить его. Сам он тоже так считает.

— И ему дали память о болезни.

— Да. Мозг скопирован точно. Разве что, устранены некоторые признаки старения. Генерал имеет весь свой опыт, но находится в обновлённом теле.

— Ладно. Сколько будет длиться наблюдение?

— До победы. Нашей, надеюсь.

— Я тоже.

— От ганиадданцев поступило ещё одно предложение, — мрачно сказал Добряков, повернувшись на Ожегова.

— Какое?

— До момента начала эксперимента они не знали о наличии Ланова, но потом о нём пришлось рассказать. Медицина их гораздо более развита, и они уверяют, что если нас так не устраивает наличие качественной копии — в том что они сами победили, они уже не сомневаются — они могут вылечить оригинал.

— Но для этого нужно признать их нашими богами.

— Да, — мрачно кивнул Добряков.

— Вы говорили генералу?

— Говорил. Но вы, я думаю, представляете, что это за человек и что он ответил мне?

— Он не согласен, — предположил Ожегов.

— Он видит в будущем нашу нацию свободной и независимой. Если у нас и будет религия, то она должна служить нам, а не наоборот. Естественно, что он не считает одну единственную жизнь — свою жизнь — равноценной платой за рабство триллиона с четвертью граждан.

— Кстати, вы не говорили, что ганиадданцы вкладывают в понятие служения им. Что мы должны будем делать фактически, после признания?

— Вам знакомо выражение «раб божий»? — усмехнулся Добряков, — один из анахронизмов, которые придётся вернуть.

— Поправьте меня. Мы будем или изгоями или рабами. Так в чём нам смысл признавать их своим божеством?

— Смысл в том, что раб обретёт свободу рано или поздно, а изгой должен будет слоняться вечно.

— И это так страшно? Слоняться?

— В условиях нашей автаркии — нет. Но и на галактическую арену мы тоже хотим. Это новые возможности, как вы понимаете. Но нам нужно равноправие.

— Ладно, — Ожегов посмотрелся в зеркало и ещё раз убедился, что его форма в порядке, — что мы делаем сейчас?

— Сейчас у нас будет ещё одна встреча с ганиадданцами. Теперь уже они настаивают на вашем присутствии. Видимо, узнав, что вы священник, вас они хотят мокнуть лицом в дерьмо больше, чем остальных.

— Забавно, — улыбнулся Вадим.

— Пожалуй. Соглашусь с господином Лилиным и скажу, что это не характеризует их как высокоразвитую нацию. Идёмте.

Ожегов закрыл дверь, и они двинулись к лифту. Ждать кабинку долго не пришлось, и вскоре они уже спускались вниз.

— Могу я спросить вас то, что не совсем относится к делу, — обратился к Добрякову Вадим.

— Спрашивайте.

— Когда Лисицын говорил о вас, он сказал, что вы военный наблюдатель, главная цель которого оценить военный потенциал ганиадданцев на случай возможной войны.

— Верно. В этом нет секрета. От людей.

— Вы можете сказать примерные выводы? Они действительно намного более развиты, чем мы?

— К сожалению, не могу. В этом и заключается загвоздка. В нашей системе сейчас только три их корабля и многочисленные наблюдения показывают, что мы бы справились с ними, так сказать, одним мизинцем. Но мы ведь тоже не посылаем боевые крейсера со всей вспомогательной группировкой, чтобы вести переговоры.

— Ну а вообще? Хоть какие-то предположения. Лично ваши.

— Лично мои предположения состоят в том, что они более развиты чем мы. Для примера — чтобы выучить любой из языков, когда-либо существовавших на Земле, потребуется три дня усиленных внушений. Чтобы хоть как-то изъясняться на ганиадданском — две недели, и, уверяю, Саник ставил бы вас в тупик каждой второй фразой. Но, при этом я считаю, что если бы они имели возможность покорить нас военным путём, они бы

предпочли его. Да, мы не можем так легко и быстро создать человека с полноценной нервной системой, но это лишь один из аспектов, и далеко не показатель, к слову, поскольку мы к этому уровню близки, особенно если не считать головной мозг. Если допустить, что все их технологии так же отстают от наших, то мы с кровью и болью миллиардов мы могли бы выдержать эту войну.

— Значит, они никакие не боги. Разве нет?

— Видите ли. Во-первых, их технологии могут быть гораздо более развитыми, чем мы можем предполагать. А во-вторых, дело даже не столько в них. Мы уже встречали одиночные нации, которые были нам не указ. Но тут речь идёт о некоем сообществе, на которое у нас нет выхода. Мы не знаем, что оно из себя представляет, и случись нам занять конфликт с одним из его членов, не придётся ли нам завтра воевать с половиной галактики?

— Да, это и впрямь было бы нехорошо, как и вообще военный исход.

— Боюсь, что, согласно исходу мирному, мы скоро уйдём в изоляцию.

— А есть ли среди наших прошлых знакомых те, кто уже согласился принять их божественность?

— Нам об этом неизвестно. Но если окажется, что есть, я бы не сказал, что это признание так уж помогает.

Переговоры велись тем же составом. Входя, Саник бросил на Вадима особенно долгий взгляд, никак не тянувший на простое оглядывание присутствующих. Да уж, его, пожалуй, мокнут в грязь больше всех, но и он начинал кое-что понимать. Конечно, не он первый, но он первый, кто так смело мыслил в нужном направлении.

— Вы провели достаточное количество наблюдений? — сходу спросил Саник, — вы согласны принять наши условия?

— У нас есть некоторые трудности, — ответил Лилин, — ведущие как минимум к задержке.

— Каковы эти трудности?

— Видите ли, — советник вывел на экран изображение с новым генералом Лановым, — мы обратились к господину генералу с просьбой составления списка мер, которые требуются для наиболее эффективного улучшения нашего мира. Поскольку он является признанным специалистом военно-промышленной индустрии, именно эту отрасль мы попросили его проработать. На это нужно время.

— Один человек способен найти меры для улучшения всей промышленности вашего мира? — с пренебрежением сказал Саник.

— Да, — ответил Ванин, — если этот человек — генерал Ланов. В его способностях мы не сомневаемся.

— Зато в них сомневаемся мы, — сказал Саник, — вы можете дать нашему созданию невыполнимые задачи, и на основании того, что он с ними не справится, признать, что он не является достоверной копией вашего лидера. Однако этот эксперимент не будет недостоверным, если мы одновременно не дадим подобные задания оригиналу.

— Увы, генерал находится в таком положении, что мы не можем обременять его такими заданиями, — сказал Лилин, — но мы можем дать вам проанализировать реформы, инициатором которых он был за всё время, что занимал свой пост.

— При этом эксперимент всё равно не получится чистым.

— К сожалению, у нас тоже есть основания предполагать, что данный эксперимент не чистый, — сказал Лилин.

— Каковы эти основания? — возмутился Саник.

— Видите ли, — мягко продолжил Лилин, — в результате создания вы заложили в голову нового генерала всю его память, а вместе с ней и опыт. Данные задачи, которые сейчас на него возложены, он может выполнить, опираясь в том числе на него. Если бы мы могли поставить его в положение, в котором находился настоящий генерал Ланов, нет гарантий, что он смог бы проявить те же самые качества. Не говоря уже о его роли в перерождении мира.

— Всё это есть совокупность множества событий. Невоспроизводимых событий. Я могу сказать, что ваш, как вы говорите, настоящий лидер, оказавшись в тех же обстоятельствах ещё раз, мог принять другое решение, и всё пошло бы совершенно по-другому. Мы же говорим о приближенности, поэтому ваши доводы не имеют основания.

— Но и мы не можем считать ваши доводы обоснованными. У нас есть эталон. Мы говорили о соответствии. Полном соответствии. На первом этапе оно вами достигнуто, но есть и второй этап. И здесь вы почему-то ссылаетесь на вероятности и обстоятельства, — сказал Лилин.

— Хорошо. Будь по-вашему. Мы изучим те данные о реформах, которые вы нам предоставите.

— Это правильное решение, — кивнул Лилин.

— Но нам интересно мнение господина священника по этому поводу, — Саник, казалось, с удовлетворением сказал эти слова и посмотрел на Ожегова.

— В чём именно? — без колебаний спросил Вадим.

— Являются ли конкретные действия в конкретных обстоятельствах проявлениями той самой души, в которую вы, люди, верите, как в бога? — он на долю секунды остановился, и они втроём синхронно улыбнулись, — или же это дело другого порядка — конкретных свойств отдельного человека? Допускаете ли вы некоторый разброс?

— Разброс — допускаю, — улыбнулся Вадим, — все люди совершенно разные. Вы даже сейчас можете это наблюдать. Причём, не только внешне. У каждой души есть свои свойства, если говорить вашими словами.

— Видите, — опять победно сказал Саник, — господин священник допускает некоторое несоответствие.

— Я допускаю его у нас, — твёрдо сказал Вадим, — мы, люди, не просто гордимся тем, что у нас есть душа, не просто верим в её существование. Мы говорим, что душа уникальна, каким бы примитивным человек ни был. Душа — некая сущность, неподвластная и неподконтрольная нам. Она зависит от тела, но тело всего лишь оболочка. Вы же утверждаете совсем другое. Вы говорите, что никакой души не существует в принципе. Воспроизведи оболочку и получишь в ней душу. Вернее, то, что мы ею называем. Мы сейчас проводим эксперимент, который должен доказать вашу правоту. Правота ваша заключается в том, что раз вы в точности воспроизвели тело генерала, то и душа должна соответствовать. Верно? Лидер человечества, так много для него сделавший, вовсе не уникален, как говорите вы. Что же, докажите это.

Никаких эмоций. Саник и его соотечественники молча слушали Вадима, который с каждым словом обретал всё большую уверенность. Даже если они в конечном счёте окажутся правы, здесь и сейчас он заставил их усомниться. Он не позволил обратить против себя свои же доводы. Если победа и будет за ганиадданцами, она окажется не такой лёгкой, как им хотелось бы. Как ему показалось, даже Ванин сейчас смотрел на него с долей

уважения. Но самым главным было другое. Идеальный мир инопланетян, который они пытались выстроить перед людьми, треснул. Вадим пока не знал, так ли это на самом деле, и не готов был изложить свои мысли, но для него это становилось очевидным. Он это чувствовал. Наверное, той самой человеческой душой, в отсутствии которой его пытались сейчас убедить.

— Мы докажем это, — сказал, наконец, главный ганиадданец, — вы думаете, это первый подобный опыт? Нет. Мы множество раз успешно провели его. И сейчас нам остаётся лишь дожидаться, пока вы не сможете не признать нашу правоту.

На этом представители инопланетных гостей поднялись и направились на выход. В отличие от предыдущей встречи, Ожегов не ощущал себя не в своей тарелке. Напротив, он считал, что сейчас люди остались победителями.

— Это было неплохо, — сказал Ванин, — но что мы будем делать дальше?

— То есть? — спросил Ожегов.

— Пока что генерал делает правильные выводы. Аналитики говорят, что он вполне соответствует. Если не самому Ланову, то хотя бы очень компетентному человеку.

— Но это ведь не одно и то же.

— Нет, но пока эксперимент проходит в их пользу, — сказал Ванин, — мы тянем время. Но не факт, что оно работает на нас.

На голограмме помолодевший и очень живой по сравнению с оригиналом генерал стоял около большого сенсорного экрана, на котором было раскрыто множество рабочих полей. Были там и карты мира, и различных регионов. Карты местности, где расположены промышленные объекты, диаграммы, графики. Ожегов во всём этом мало что понял бы, даже находясь рядом и имея возможность прочесть, что там написано. Однако тот, кого земляне вполне правомерно считали лишь копией выдающегося деятеля, уверенно манипулировал всеми этими данными. Пожалуй, если не знать подоплёки, можно было бы сказать, что перед ними настоящий человек.

— Это может показаться странным, — сказал Ожегов, — но знаете, что мне кажется?

— Что? — спросил Лилин.

— Что они сами не слишком обременены душой, поэтому и считают так обо всех, кого встречают. Может быть, однажды они научились воспроизводить себе подобных, и потом эти копии вытеснили настоящих. Ведь, как я думаю, неоригинальный Ланов не состарится так быстро и не будет иметь тех же болезней. По крайней мере, это можно заложить. Так ведь?

— Думаю да, — сказал Добряков свои первые слова с момента начала переговоров. Судя по выражению лица, его заинтересовала теория Ожегова.

— Но это не значит, что они все клоны сами по себе, — сказал Лилин.

— Ну, во-первых не клоны, — заметил Ожегов, — а искусственные создания. А во-вторых, насколько я знаю, любая технология предусматривает разброс показателей. Везде есть допуск. Касаемо моей работы, могу сказать, что даже в самом дорогом, особо структурированном материале, есть допуски по характеристикам. Мы примем этот разброс за уникальность души?

Добряков смотрел на Вадима заинтересованным взглядом, как будто, когда он слушал слова, в его голове рождались определённые мысли. После недолгого молчания он эти мысли озвучил.

— А что если мы предложим те же задания нашим суперкомпьютерам? Мы ведь

анализируем производства с их помощью?

— Анализируем, — кивнул Лилин, — но они ведь несовершеннолетние.

— Это неважно. Можно запрограммировать машину, чтобы она решала сходные задачи?

— И вы получите отличия, — сухо заметил Ванин.

— Вы не поняли. Мы сможем запрограммировать машину так, чтобы она выдавала результаты, которые выдаёт сейчас клон? А потом мы дадим и ей и клону одинаковые задания. И машина и клон получают одинаковые результаты.

— Да, но для чистоты эксперимента вам нужно дать те же задания Ланову.

— Думаю, здесь мы проведём другой эксперимент. Мы дадим машине задачи, которые стояли перед ним во время главных реформ. Хотя бы, что касается религии. И посмотрим, что выберет компьютер.

— Пожалуй, это даже может сработать, — сказал Лилин.

Он медленным движением нажал что-то под столом, и из столешницы выехала пепельница, потом он достал сигареты и закурил. Всё так же медленно, обдумывая услышанные слова и мысли, которые возникли благодаря им.

— Главное, поставить всё так, чтобы они приняли результат, — сказал Лилин, — объяснить, например, что даже подключение самого генерала не несло бы никаких гарантий. Мы могли его предупредить или ещё что-то. Что старые результаты, которые уже есть, в этом плане надёжнее.

— Здорово, — Ванин, сидевший рядом с Лилиным, тоже закурил и поглядел на Ожегова, — пожалуй, даже то, что старик сказал позвать священника, можно записать в его неординарные решения, которые, чёрт возьми, взяли и сработали.

— Вопреки всему, — Лилин тоже посмотрел на Ожегова.

— Благодарю за доверие, — ответил священник.

Сам Вадим испытывал радость по поводу того, что оказался полезным. Да, он не смог бы вывести программу запланированной череды экспериментов, но он подал идею, и это тоже было немало.

— Ладно, что делаем? — после небольшой паузы спросил Ванин.

— На вас эксперименты с прошлым, — ответил ему Лилин, — на мне — с настоящим. К утру должны быть первые результаты. Задействуем центр в Климовске, там самый лучший самообучающийся интеллект. Ему должно потребоваться меньше времени.

— Хорошо. Сейчас же свяжусь, — Ванин загасил недокуренную сигарету в пепельнице и направился на выход. Следом за ним отправился Лилин, который позвал лисицу.

Добряков не спешил уходить, и Ожегов остался вместе с ним.

— Генерал слышал и видел всё, о чём мы говорили. Он согласен с вами. И я тоже.

— Но что, если они не примут наши доказательства?

— Будем изгоями. Генерал больше нас не слушает, поэтому я могу сказать вам откровенно. Если вести список тех, кто готов пожертвовать собой на благо нашего мира, то Ланов первый в этом списке. Он всегда говорит нам, что мы должны научиться обходиться без него. Другой бы уцепился за возможность обрести вторую жизнь, после бурной первой, но не он. Как думаете, что решил бы компьютер, находясь на его месте?

Ожегов улыбнулся.

— Пожалуй, — продолжал советник, — стоит задать тот же вопрос нашим новым друзьям, и выяснится, что они, подобно машине, старались бы любой ценой сохранить свою жизнь и улучшить своё положение. В чём-то они правы, даже во многом. Но над этим чем-то

всегда должно быть что-то ещё, что проявлялось бы в мелочах, но проявлялось бы.

— Пожалуй, вы правы, — согласился священник.

— Жаль только, что эти аргументы они не примут, так что нам потребуется множество научных выкладок. Вы вообще как, Вадим, хотите спать?

— Нет. Я наотдыхался за день.

— Тогда могу предложить вам поучаствовать во всех экспериментах.

— Почту за честь и с радостью, только, боюсь, я ничего не пойму.

— Это не потребуется. Есть у нас люди, которые понимают. Мы с вами лишь будем следить. Что же, тогда пора выдвигаться. До Климовска ещё надо добратся, хоть дороги и свободны.

В целом, если провести параллели, то научно-аналитический центр являлся тем же заводом. Только здесь и сырьём и продуктом являлась информация. Мощные компьютеры — те же самые поточные линии и даже профессия людей, работавших с ними, называлась так же, как на заводе — оператор.

Вообще, что основные цеха их завода, что здешние помещения впечатляли. Не столько размахом — компьютеру не требовалось столько же места, сколько сложному конвейеру, оснащённому роботами — сколько ощущением размаха. Здесь тоже складывалось впечатление огромной и важной деятельности, хоть и исполнительных механизмов, движения которых заметны глазу, было меньше — в основном вентиляторы систем охлаждения.

В главном информационном зале собралось много людей. В его центре был расположен большой продолговатый стол, посреди которого находился проектор. На нём по всей длине столешницы было выведено несколько голограмм. Одна, в самом центре, изображала карту планеты, поделенную на крупные инфраструктурные зоны. Это была отправная точка при необходимости оптимизации мировой логистики. Дальше на разных голограммах выводились карты отдельных зон, их внутренняя структура и логистика.

Люди, поделенные на группы, анализировали разные данные. Одни занимались теми, которые уже были обработаны копией Ланова. Другие — теми, что поступали в реальном времени. Программа машины, составлявшаяся автоматизированно, постоянно корректировалась. Вадим плохо понимал весь процесс даже на макроуровне, но если судить по комментариям Добрякова, которые он для него делал, то, если в конечном счёте и окажется, что этот интеллект искусственный и ничего общего с человеческим не имеет, он уж точно достаточно неплох.

— Скажите, — осторожно поинтересовался Вадим, приблизившись к Добрякову, чтобы не повышать голос из-за царившего в главном информационном зале гомона, — а если выяснится, что и их интеллект искусственный, будет ли это значить, что они сами не самостоятельны?

— Сложно сказать. Особенно, если принимать во внимание вашу предыдущую теорию о том, что они постепенно стали такими.

— То есть, даже компьютер может создать цивилизацию?

— Почему нет? Это лишь вопрос осознания законов, следования им и принятия решений. Есть же на заводе у вас автоматические линии, в которых после наладки оператор почти не вносит корректировок.

— Да, но это ведь просто линии, а не целые миры.

— При должных знаниях и умениях, это можно экстраполировать и на большие

масштабы. Для производственной линии и месяц работы без участия человека — хороший срок. Но и занимает она в лучшем случае одно здание. А здесь мир и целые эпохи.

— Но как мы переиграем их?

— Анализируется их поведение в том числе, и мы пытаемся вывести законы, которым они подчинятся. Допустим, мы сейчас создадим эксперимент с достаточно жёсткими условиями, относительно легко воспроизводимый и достаточно наглядный. Если они и в самом деле машины, они должны принять его результат.

— Но генерал...

— Его нельзя рассматривать, как участника, как уже говорилось. Он ненадёжен, в отличие от сухих данных, которые мы имеем. И они имели до начала эксперимента, потому что имели доступ ко всей нашей истории. Не могли же мы заранее всё сфальсифицировать таким образом, чтобы это было выгодно для нас нынешних. В то время, когда о нынешнем эксперименте и речи не было, не говоря уже о том, чтобы воспроизводить Ланова. Принимая во внимание всё тот же разброс, можно было бы ожидать, что мы выберем любую другую значимую личность из ныне здравствующих. Скажем, деятеля искусств.

— Это было бы показательнее, кстати, — сказал Ожегов.

— Да. Но мы выбрали Ланова. Будем считать это зовом души, — улыбнулся Добряков.

Глава шестая

Потерянные души

Этой ночью Ожегов спал лучше. Не столько потому что путешествие в научно-аналитический центр утомило его. Вчера в глубине души его ещё мучили сомнения по поводу того, прав ли он в своих убеждениях. Сегодня от этих сомнений не осталось и следа. Он был точно уверен в том, что уже сегодня все эксперименты завершатся в пользу землян, и спор с ганиадданцами будет, наконец, выигран. Вчера, когда они покидали центр, копия генерала Ланова легла спать, и все его наработки можно было проанализировать в комплексе. Программа для компьютера ещё готова не была, но ведущий специалист уверял советников, что это лишь вопрос времени.

— Совсем я сбился с режима, — сказал сам себе Ожегов, после пробуждения взглянув на часы, которые показывали полдень.

Он сел на кровати и почему-то подумал о Екатерине. Пожалуй, его коллеги правы — стоит сделать шаг ей навстречу, ведь она сама сделала первый. С женщинами Ожегову всегда не везло. Некоторые даже говорили, что из-за этого он выбрал религию. На деле же, всё это были лишь домыслы. Служение не предполагало никаких привилегий, но и никаких воздержаний тоже. Разве что, нужно было соблюдать определённую чистоту души. Но это было сугубо субъективным понятием. Каждый служитель понимал его по-своему. Некоторые даже очень вольно.

Встав, Вадим умылся и направился в столовую. К завтраку он опоздал, и там подавали уже обед. Он не торопился. Сейчас он находился в подвешенном состоянии. Он ни с кем он не договорился насчёт того, во сколько и где встретиться, а значит, кто-то вновь должен был зайти за ним. Скорее всего, Добряков, и скорее всего, опять ближе к вечеру, а это значило, что ему, Ожегову, предстоит ещё примерно полдня телепередач и дрёмы. Когда он каждое утро вставал рано и шёл на завод, ему всегда хотелось ещё немного поспать, а то и отдохнуть лишний день помимо тех, что полагались по распорядку. Сейчас же он понял, что это всё ценно только в те конкретные моменты, когда ты этого отдыха лишён. Стоило начать отдыхать основательно, как сейчас, и отдых этот быстро надоедал.

Однако ждать так долго, как Вадим опасался, не пришлось. Добряков постучал в его дверь в начале пятого. Вид у него был не такой мрачный, как вчера, когда в клоне, созданном инопланетянами, он увидел своего кумира. Сейчас, надо полагать, учёные смогли создать программу, которая работала точно так же, как мозг воссозданного Ланова, но, само собой, не могла действовать так же, как действовал в своё время Ланов настоящий.

— Чем обрадуете? — Ожегов начал уже привычную процедуру приведения себя в порядок. На этот раз всё получалось уже почти на автомате. Застегнуть, расправить, проверить воротник, проверить, чтобы символ висел ровно.

— Обрадую. Сегодня вы идёте не потому, что вас позвали. И не потому, что этого захотели те, кто желает смачно вытереть о вас ноги.

— Вот как. А почему? — Вадим даже повернулся на Добрякова.

— Вы подали отличную идею. Теперь у нас целые отделы думают, как это мы проморгали такое.

— То есть?

— На основании того, что мы произвели, можно с большой вероятностью сказать, что

интеллект нового Ланова искусственный. Больше того, на основании тех малых материалов, которые есть у нас о ганиадданцах, то же самое можно сказать и о них.

— Даже так...

— Да. Видимо, самые ответственные люди в последний момент действительно сочли их богами и не копнули поглубже.

— Но ведь он совсем как человек, и всё равно искусственный интеллект?

— Да. Очень развитый и продвинутый, а главное, быстро обучающийся. Наш компьютер, способный вести себя так же с такой же скоростью, занимает целый этаж.

— Значит, мозг человека даже синтетический, лучше?

— В чём-то, — улыбнулся Добряков, — зная это, страшно подумать, на что способно то, что находится в головах самих ганиадданцев.

Ожегов тем временем закончил приготовления, и они выдвинулись к лифту.

— Так, выходит, на сегодняшней встрече мы лишь покажем им наши выкладки, всё обоснуем, и всё? — спросил он.

— Да. Именно так. Предоставим им все данные, дадим привязку к тому, что у них уже есть, и не может быть фальсификацией. У нас мало данных о ганиадданцах, поэтому вероятность того, что машинный интеллект признает нашу правоту, низкая. Но она есть. Это же машины, пусть и развитые.

Презентация была обставлена отлично. Лилин, ещё вчера казавшийся не слишком подкованным в вопросах машинной логики, сегодня отлично вёл повествование, вовремя подключая двух специалистов из информационного центра, которые помогали ему в выступлении. Даже Ожегов, ещё вчера совершенно не разбиравшийся ни в чём, понимал некоторые вещи.

В результатах существовал небольшой разброс, но он был в пределах погрешности измерений. Это подтверждало пугающе похожее соответствие в некоторых других пунктах. Этому миру как будто бы уже не нужен был гений Ланова — один этаж современного суперкомпьютера мог оптимизировать и без того выглаженную инфраструктуру планеты и околопланетного пространства. Притом, ему не требовалось быть в деле много лет, как престарелому генералу. Он мог сделать это на основании базы данных, которую сам же мог дополнять в процессе.

Саник слушал, поджав губы. Пожалуй, это была самая яркая эмоция, на которую он был способен. Не требовалось даже обращение к мировым информационным хранилищам и время на сопоставление. Он всё понимал. Осознавал, что земляне правы. Но его высшая сущность не позволяла ему согласиться с утверждениями, которые сейчас ему излагали. Он прибыл сюда не для того, чтобы быть разоблачённым, и, больше того, собственноручно поучаствовать в этом разоблачении своим признанием. Нет, они будут сопротивляться, если только не найти в их сознании нужную кнопку.

— Когда же машина была поставлена в соответствующие условия в преддверье больших реформ, не находите ли вы, что она действовала очень похоже на вашего лидера в тот период? — возразил Саник.

— Да, — с готовностью согласился Лилин, — всё дело в том, что существовал комплекс решений, которые совершенно точно были оптимальными. Но во многом, оптимальность чего не выражалась объективными величинами, она поступила иначе.

— В чём именно?

— В частности, компьютер упразднил религию полностью, поскольку во вновь

воссоздаваемой формации в существующих условиях её невозможно было вписать в инфраструктуру мира. Господин Ланов сделал её полностью духовной, но не упразднил. Даже несмотря на то, что в той ситуации полный отказ не вызвал бы массовых волнений.

— Но он же тоже делал эти выводы на основании того, что знал, — Саник ещё пытался сохранить спокойствие, но давалось ему это всё труднее.

— Дело в том, что в машину тоже были загружены все данные. На основании них она приняла другие решения верно, а в этом ошиблась. Больше того, — Лилин поднял палец, — господин Ланов не знал некоторых факторов, но интуитивное принятие решений ему помогло.

— Ещё недавно вы говорили о нашем создании, что хоть ему и свойственна интуиция, её тоже можно запрограммировать определённым образом.

— Да, но это не сделает её человеческой. К счастью или к сожалению, — сказал Лилин снисходительно.

— Тогда, пожалуйста, скажите нам сейчас, где грань, согласно которой вы отделяете искусственный интеллект от человеческого? То, что создали мы, по вашим словам, интеллект искусственный, но приближающийся к тому, который вы называете настоящим.

— В том-то и дело, что мы не знаем этой грани. Мы не можем запрограммировать машину, чтобы она полностью смоделировала интеллект человека, но мы смогли сделать так, чтобы она повторила действия вашего создания, — сказал Лилин.

— А что по этому поводу думает господин священник? — неожиданно Саник повернулся на Ожегова, как будто бы тот был самым слабым местом, на которое сейчас требовалось надавить.

— Я хотел бы спросить вас.

— Спрашивайте.

— Если мы, люди, так примитивны, почему вы спрашиваете нас о грани между живым интеллектом и машинным, а не укажете нам на неё?

— А если мы спросим вас, вы скажете, что она и состоит в той самой душе.

— А вы мне на это ответите, что души не существует. Но грань эта есть, как мы убедились. Мы в тупике. И если мы обратимся к историческим сведениям, верующие прошлого просили своего бога указать им путь. Создатель не указывал его напрямую, потому что не являлся. А в нашем случае, как вы утверждаете, он явился.

Лилин нахмурился. Конечно, дело не в том, что Ожегов говорил смело. Религиозные рассуждения не очень вязались с тем, что до этого излагалось на этих переговорах. Однако Ожегов вообще должен был лишь наблюдать за разговорами, и если уж потребовалось его участие, то этих доводов оказалось недостаточно.

— Грани не существует. Она лишь иллюзорна, а ваш эксперимент не может быть точным, даже несмотря на воспроизводимость.

— Вы можете скорректировать условия, — быстро и дипломатично вступил Лилин, — если вы измените условия так, чтобы машина выбрала религиозную концепцию господина Ланова, то мы рассмотрим этот вариант.

— К сожалению, это не сделает эксперимент достоверным. Пока что наше создание никак не выявило своё несоответствие. А значит, наш спор ещё не разрешён в вашу пользу. Мы будем ожидать ещё одни сутки по вашему исчислению. После них будем считать отсутствие вашего согласия неповиновением.

На этих словах ганиадданская делегация во главе с Саником поднялась и удалилась из

зала, где велись переговоры.

— Я же говорил, — сказал Ванин, — как об стенку горох.

— Но мне показалось, или мы проняли их? — спросил Ожегов.

— Проняли, а толку?

— Но что это за принципы такие, просто брать и не признавать то, что тебе невыгодно? — возмутился Вадим.

— Они в чём-то правы, — бессильно заключил Лилин, опустившись на стул, — вы свободны, господа, спасибо за ваше участие.

Он обращался к приглашённым специалистам. После этих слов они коротко кивнули и вышли.

— Всё дело в том, что здесь не получится поставить хоть сколько-нибудь достоверный эксперимент, — сказал он, — слишком много факторов, слишком много неучтённого. Реформы были слишком давно, да и тогдашнего Ланова нельзя замерить. Нынешнего тоже. Всё очень субъективно.

— Выходит, мы действительно в тупике? — спросил Ожегов.

— Мы в тупике. Будем готовиться к замыканию. Какими бы они ни были искусственными, мы вынуждены признать, что за ними всё равно есть их сообщество.

— А если оно лишь вымысел?

— Мы не можем рисковать в любом случае, — ответил Лилин, покосившись на Добрякова.

— По данным разведки, в системах того сегмента, на который они указывают, есть активность, — сухо заметил военный наблюдатель, — для имитации слишком большая. Если это спектакль для нас, могу поздравить нас с большой значимостью.

— Значит, мы соглашаемся на изоляцию, — сказал Лилин, глядя на Ванина и Добрякова.

— Думаю да, — сказал Ванин, — но не нам же здесь и сейчас это решать, так что пока всё неточно.

— Что же, совет надо собирать утром, — сказал Лилин, — а пока усилить наблюдение за клоном. Может быть, мы что-то прозевали.

— Знаешь, — сказал Ванин, закурив, — я ведь говорил с ним сегодня. Лично я не отличаю.

— Я тоже не отличил бы сходу, — подтвердил Лилин, — но мы с тобой не компьютерный центр. Нужно глядеть в оба. Все мы могли что-то прозевать.

Уходя, Ожегов спросил у Добрякова, когда его отправят домой. Советник ответил, что это произойдёт сразу после того, как вопрос с ганиадданцами будет улажен. Пока что священник ещё может им пригодиться.

Вадиму не слишком нравилось, что ему придётся прозябать здесь ещё сутки, к тому же он был огорчён бесполезностью всех их действий. Они доказали свою правоту настолько убедительно, насколько это вообще может быть в сложившихся условиях, а их доводы просто не были признаны. Сколь удобная позиция для одних, столь же нечестная по отношению к другим. Но, если поставить себя на место ганиадданцев, можно было понять, что она единственно возможная, если они во что бы то ни стало хотят заполучить себе целую цивилизацию поклоняющихся рабов.

С тяжёлыми мыслями Ожегов всё же уснул, но спать до утра ему было не суждено. Его разбудил его телефон.

Номер был Ожегову незнаком, но, учитывая, что так ему почти никто не звонил, это был кто-то из местных советников.

— Алло, — ответил Вадим.

— Вы не могли бы сейчас спуститься вниз, — динамик заговорил голосом Добрякова.

— Могу. Что случилось?

— То, чего никто не предвидел. Успеете за десять минут? Я буду вас ждать.

— Хорошо. Конечно.

Благо, было на что отвлечься, чтобы не теряться в догадках то время, которое прошло от звонка до их встречи. Что такого могло стрястись ночью, что потребовалось подниматься, и, скорее всего, созывать совет?

Часы показывали без десяти минут три, когда Ожегов вышел в вестибюль гостиницы, где мрачной тенью стоял Добряков. Он ничего не говорил, пока они не вышли на улицу и не сели в машину.

— Клон повесился, — сказал советник, когда их транспорт тронулся с места.

— Что? — Ожегов был ошеломлён.

— Я не знаю, как именно всё произошло, но два часа назад он сбежал от наблюдения. Очень умело сбежал. Переоделся, обманом проник в палату к Ланову, замаскировавшись под врача. Чтобы получить допуск, он взломал несколько систем.

— Что с генералом?

— Он в порядке, не волнуйтесь.

— А этот клон и правда суперкомпьютер на ногах.

— Да. Это уж точно. Весь совет на ушах.

— Но что он хотел от Ланова?

— По словам генерала, клон не хотел ему зла. Он лишь хотел узнать, существует ли у него прототип на самом деле.

— Стоп. А кто ему сказал?

— Никто. Аналитики центра говорят, что он сам догадался. Сейчас они пытаются выстроить алгоритм, по которому это произошло. Анализируют записи.

— Но почему он убил себя? Машина должна была стараться себя спасти.

— Это тоже пытаются выяснить. Но аналитики навскидку говорят, что, во-первых, его интеллект нельзя считать типично машинным. Ну а во-вторых, в каком-то смысле для него это решение оптимально. Это сложно объяснить. Но если у нас получится...

— Да разве сама его смерть не наш триумф? — спросил Ожегов, — он мог быть полезен в любом случае, и он отказался. Генерал не поступает так эгоистично, хотя, как мне кажется, его жизнь не то чтобы легка.

— Над всем этим работают аналитики. Единая концепция будет вскоре после рассвета.

— А зачем сейчас понадобился я?

— Ланов хочет вас видеть.

— Интересно, зачем?

— Он мне не сказал. Боюсь, что его мучают сомнения, которые вы должны будете развеять. Только и всего. Следуйте своей линии и постарайтесь сделать так, чтобы генерал остался в хорошем расположении духа. Сейчас он нужен нам, как никогда.

— Хорошо.

Про себя Ожегов подумал, что Ланов и сам в силах разобраться со всеми своими сомнениями, иначе он не был бы сейчас тем, кто он есть. А вот с тем, что ему нужно нечто

сверх того, что ему может дать рациональный и холодный разум, Ожегов, пожалуй, мог ему помочь.

— А ганиадданцы в курсе?

— Да. У них, пожалуй, всё ещё сложнее, чем у нас, — улыбнулся Добряков, — они следили за клоном — в этом плане мы предоставили им полную свободу. Они, наверное, жалеют, что запросили для себя такую возможность, потому что сейчас они могли бы заявить, что это мы, Земляне, всё сфальсифицировали, а теперь так сделать не получится. Они всё видели и всё знают. Больше того, они, как я подозреваю, могут это объяснить, но они будут давить на то, что у этого человека действительно была душа, раз он так поступил. И тут мы подловим их на их же ловушку. Выходит, они знают об определённых принципах, заложенных в него. Сейчас над этим работает Лилин и три отдела.

— Один клон, и столько беготни, — мрачно усмехнулся Ожегов.

— Вы даже не представляете. Как только всё разрешится, мы вздохнём с облегчением, даже если конечным результатом всей этой суматохи будет наша изоляция.

Ожегов вымученно улыбнулся. Ему сложно было понять, почему изоляция так не нравится членам совета. Но им, конечно же, на их постах виднее, что и к чему в мире землян и прилегающих к нему пространствах. Сейчас он думал над тем, какой выбор сделать. Сказать, если потребуется, то, что должно, или то, что от него бессловесно требует Добряков и все остальные советники.

Обстановка в палате была точно такой же, как и в прошлый раз. Тусклый свет, силуэты, лиц не видно. Только Ланов уже перевёл свою кровать в сидячее положение. И в этот раз все вышли сразу. Лицо генерала осунулось ещё больше. Он был таким же участником происходивших событий, как и все остальные, только ему в силу его здоровья участие это давалось гораздо сложнее, нежели остальным. Глядя на него сейчас, Ожегов понимал хотя бы частичную справедливость умозаключения, что даже сильная душа может рано или поздно устать.

— Скажи мне, мы победили? — Ланов посмотрел на Ожегова тяжёлым взглядом.

— Мы не проиграли, — уклончиво ответил Вадим.

— Это не означает победу.

— Вы ведь знаете, что я скажу. Вы знаете, кто я.

— Скажи всё равно.

— Душу нельзя создать в лаборатории или что там у них. И мне неважны все аргументы, которые приведут ганиадданцы и три отдела, которые сейчас бьются над этим. Я выбрал этот путь, потому что у меня есть вера, а не по какой-то другой причине. Она за всё время лишь меняла форму, но не покидала меня. Верю я и сейчас.

— И это действительно то, что ты хотел сказать?

— Да. И я знаю, что вы со мной согласны. Он не сделал того, что сделали вы, находясь в вашем положении. Он убрал религию. Он не посчитал, что человеческая душа в чём-то нуждается, в отличие от вас, носителя.

— Хочешь сказать, я, сам того не зная, сделал так, как хотела душа?

— А вы думаете, кто-то расскажет вам, как найти душу? Я с радостью бы послушал, это избавило бы меня от множества размышлений. Тяжёлых размышлений.

— И ты, священник, стоящий сейчас передо мной, скажешь мне, что ты не знаешь, что есть душа и как её ощутить?

— Я скажу, что знаю. Я мог бы даже повести себя неправильно, и указать вам

конкретный путь, но я никогда не смог бы объяснить ничего аналитикам и прочим компьютерным гениям.

— Так почему ни один из вас никогда не указывает путь? Почему ты не можешь сделать это для меня сейчас?!

— Потому вы уже сделали это. Вы злитесь, потому что не были уверены в том, какого результата вы хотите. И сейчас не уверены, как именно толковать то, что у нас получилось. Но стоит вам отбросить все сомнения... Даже не разрешать их, а отбросить, и вы поймёте, как всё обстоит на самом деле. Всё было ровно так, как должно было быть. Не будь я в этом так уверен, я изначально отказался бы от просьбы участвовать во всём этом. И сейчас я уверен.

— То есть, если мы не приобщимся к великим культурам, наукам, к великой мудрости, которой обладают другие жители вселенной, не выйдем за пределы, это будет для нас лучше?

— Пожалуй, что так, — спокойно ответил Ожегов, — значит, нам не нужно было вступать в это сообщество любой ценой. В конце концов, мы ничего о нём не знаем на данном этапе. Быть может, знай мы и имей при этом выбор, мы бы отказались.

— И ты правда так думаешь? Ведь приобщиться к великому было бы прекрасно. Пожалуй, это то, до чего я хотел бы дожить.

— Вы доживёте, если так должно быть.

— Вы, священники, и правда нудный народец. И зачем я вас оставил? Сейчас бы вышло так, что и сами мы машины, и давайте жить в счастливом машинном мире!

Он рассмеялся. Сначала Ожегову показалось, что грустно, но потом он понял, что всё же успокоил Ланова. В конце концов, от самого Вадима сейчас ничего не зависело. И если воли землян недостаточно для того, чтобы повлиять на инопланетян, может быть, им действительно рано становиться полноправными членами космического сообщества?

— Пожалуй, ты прав. К чему это всё? Мы всегда делали максимум, — сказал генерал, — всегда стремились к невозможному. Всегда ли мы его достигали? Нет. Всегда ли это было нужно? Объективно — нет. Мы сделаем всё и в этот раз, но мы ведь не единственная сторона. Пусть там тоже побеспокоятся. В конце концов, раз они так цацкаются с нами, значит, мы им тоже нужны.

— Может быть, даже больше, чем нам самим нужны новые боги, — сказал Ожегов, — тем более, самопровозглашённые. Никто из идолов прошлого не ставил себя на это место сам. В этом была как минимум часть их высшей сути. Здесь же они её нарушили.

— Интересная мысль. Надо было высказать её им в самом начале. А? Может быть, решение было ещё проще, чем получилось в конце?

— Может быть.

— Нет. Те спецы по логике, психологии и прочему чего только не пытались, как только не выводили линию, а получалось только хуже.

— Видимо, интеллект ганиадданцев таков, что обойти его непросто.

— Что есть, то есть. Может быть, рассчитан как раз на заумных. Мы же уже решили, что они сами как компьютеры на ногах.

— Кажется, да, — кивнул Ожегов.

— А кстати, знаешь, почему тогда лишили священников последних привилегий?

— Слишком много стало ложных. Тех, кто становился священником только ради них.

— И это тоже, конечно, но это основная версия. Официальная, так сказать, причина. На

деле же, просто пошли разговоры. Разговоры среди священников о том, что нам, дескать, может быть, снова нужны боги. Такие, какими они были тогда.

— Я об этом не слышал.

— Ещё бы, мы вовремя подняли всю эту реформу с привилегиями, самых яростных проповедников отправили подальше, а те, что остались, глядя на них, придержали языки. Да так, что до сих пор не слышно. Но на деле, конечно, всё из-за людей. Им не нужен бог, который где-то далеко и который неизвестно, слышит их или нет. Им гораздо больше подходит бог, который рядом, в них самих. Но я лично слишком малого ожидал от священников. Тем приятнее мне слышать от тебя то, что ты говоришь. Если ты, конечно, не лукавишь. Надеюсь, что нет.

— Нет.

— Прости, что выдернули тебя. Отправляйся высыпаться. Добряков оставит тебе свой контакт, и завтра, как только будешь готов, ты отправишься домой.

— Религия снова стала не нужна в высшем совете, — улыбнулся Вадим, — ей здесь и правда не место.

— Здесь да, — выдохнул Ланов, — но она нужна людям, к которым ты и отправляешься.

Ожегов кивнул, а потом вышел. Дальше была дорога до гостиницы, где он лёг спать, а проснувшись, оделся в свою одежду, лишь легко улыбнувшись, бросив взгляд на форменную одежду совета. Он оставлял её здесь, эту оболочку. Оболочку, которой для официального вида не хватало лишь символа, который он увозил с собой.

— Есть какие-то сдвиги? — осторожно спросил он у Добрякова, когда тот провожал его на аэровокзал.

— Да. Вопрос уже решён, — ответил тот, легко улыбнувшись. Аналитики и прочие специалисты всё сделают, а мы подадим так, что у наших космических друзей не останется другого выбора, кроме как принять то, что мы им скажем.

— Значит, нас ждёт изоляция?

— Вполне вероятно, но мы вступаем в этот статус с облегчением. Возможно даже, что исключительно благодаря священнику.

— Я бы сказал, что это моя работа, но это не так. Так что я даже не знаю, что сказать.

— Ничего не требуется. Просто примите нашу благодарность и отправляйтесь домой.

Глава седьмая

Последний бог

Утро ближайшего понедельника стало тяжёлым ещё и из-за огромного количества вопросов, на которые Ожегов не мог дать ответы. Даже если представить, что он рассказал бы своим коллегам о том, где он был, и что ему нужно было делать, вряд ли бы кто-то в это поверил. Контакты с инопланетянами для землян до сего момента происходили примерно по одному и тому же сценарию. Либо сразу заключался мир и договор об осваиваемых пространствах, либо начиналась война. К тому же, здесь, в колыбели человечества, контакты оставались чем-то далёким. Тем, что происходило где-то там. О появлении на Земле ганиадданцев население никто не оповещал.

Хотя этого можно было и не делать, Вадим постучал в дверь медпункта, прежде чем зайти. Екатерина улыбнулась, увидев его.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказал он, проходя, — мне сказали, вы приходили ко мне.

— Да. Хотела поинтересоваться, не вернулись ли вы. Хоть и обещали, что вернётесь, могли и сами не знать.

— Всё в порядке. У меня сейчас мало времени, но вы не будете против, если мы встретимся, скажем, в эту пятницу после работы? Попьем кофе. Тут недалеко, чтобы не задерживать вас.

— Что вы! Я за! — она оживилась ещё больше.

— Значит, договорились?

В это время дверь медпункта открылась, и внутрь вошёл другой рабочий, придерживавший на пальце небольшой порез.

— Конечно.

Ожегов с лёгкой улыбкой кивнул и направился на выход. Мысленно он уже пребывал в торжественном ожидании. С ним даже работать было как-то радостнее.

Вообще, что касалось рабочего ритма, то Вадим быстро в него вошёл. Единственное, что изменилось в его жизни — появился большой интерес при просмотре новостей. Он ждал, что вот-вот широкой общественности объявят о контакте с ганиадданцами. Конечно, все подробности переговоров будут скрыты. Скорее всего, для широких масс создали бы отдельную версию, согласно которой контакт прошёл мирно и цивилизованно. В этом свете никакой изоляции не могло бы быть и в принципе. Просто раздел сфер влияния с другой цивилизацией, коих уже была не одна и не две на пути землян. Так что в этой, общественной версии всё выглядело бы гораздо мягче. Но её не было. Что думать?

А потом, в пятницу во второй половине дня грянула новость, которая потрясла даже Вадима, который считал, что в силу недавних событий имеет хотя бы грубое представление о том, что происходит в космической сфере жизни мира землян.

Людей приняли в галактическое сообщество на правах равных. Рассказывалось, что недавно с ними установила связь синтетическая форма жизни, являвшаяся своего рода посланниками. Что в развитых цивилизациях такое достаточно часто практикуется. Направлений для экспансии много, сопряжена она с риском, поэтому не всегда в космос отправляются настоящие космонавты.

Это объяснение он слышал в новостях, которые они с Екатериной слушали, сидя в кафе.

Для многих оно было новостью и вполне самодостаточной единицей информации. Для Ожегова же это сообщение создавало лишь новые вопросы. Выходит, земляне не просчитались в том, что ганиадданцы представляли собой искусственный интеллект? Конечно, всё обстояло не так просто. Это было чем-то вроде экзамена на самостоятельность перед вступлением в сообщество, но вот подробности остались для Вадима, как и для большинства других, неизвестными. Да и нужно ли было их знать? Космическая цивилизация землян сохранила свою душу и вступила в новую эру. Эру, о которой мечтал генерал Ланов и его ближайшие соратники. Путь в неё оказался не таким, как можно было ожидать, но он в любом случае был позади.

— Вы рады этому? — осторожно спросила Екатерина, глядя на улыбку Вадима, смотревшего на экран.

— Да. Конечно я рад. Мы вступаем в новую эру.

Он повернулся к ней и улыбнулся. Сам не заметил, как их руки соприкоснулись, а взгляды встретились. О смерти Ланова, которая произошла почти сразу после подписания договоров с настоящими инопланетянами, мир узнает только через неделю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net